

Азиза Джафарзаде

НАПАСТЬ

Историческая повесть

Copyright – Азиза Джафарзаде

Перевод Сиявуша Мамедзаде

Данный текст не может быть использован в коммерческих целях, кроме как с согласия владельца авторских прав.

Зачин

XVI век!.. Шах Исмаил Хатаи, объединив разрозненные и рассеянные племена и создав на огромной территории Азербайджанскую державу, ушел в мир иной. И оставил потомкам Родину. Оставил родной язык, который приравнивался к языку межнационального общения. Оставил урок Гражданской Доблести. Оставил питомцев, протягивающих руку другу и встречающих боевым кличем врага. Таким был венчосный пращур наш, Шах Исмаил. А что последовало после него? И я заглянула на следующую страницу истории, читатель мой!

На этой странице истории ты часто будешь встречаться с цифрой «37». И с обмолвками вроде «партия» вместо «племя» и наоборот. Не обессуди меня: сказывается привычка...

Но не думай, что 37^й год в моем повествовании — тот самый, кровавый. Нет же! Просто был тридцать седьмой год. И тогда, и в наши времена. Тогда — племена. Теперь — партии. Могу перечислить: устаджлы, зюльгадар, шамлы, текели, гаджар, афшар, сефевы, румлу, туркман, баят, варсаг, арабгирли, аг-гоюнлу, гара-гоюнлу, гараман, джайирли, ширваншахлы, гарадаглы, удуллу... Стоит ли продолжать перечень?

Напасть с ее губительным раздраем, раздробленностью, расколом, разрывавшими нацию на куски, проходит через 37^й. Как и в наши времена. Я не о приснопамятном тридцать седьмом, трагическом, злосчастном, нанесшем нам столь ран, погубившем цвет нации. Большевицкий 37^й — дело рук врагов. А тот — давний — дело наших собственных рук. Его соучастники — те же наши собратья по крови, по языку, наши сонародники, соплеменники...

Наши недруги хорошо знали удельных князьков — лидеров этих племен, «тейпов». (Как и сейчас). Знали их взаимную ревность, жажду власти, стремление выслужиться перед августейшими, дорваться до возжеленных государственных постов и рычагов. И враг играл на этих струнках: кому сулил золотые горы, кому бразды правления.

К чему было идти войной на наши племена, партии? Скажем, двинуться из Крыма в поход сюда, как Адиль Гирей, и угодить в плен или уйти не солоно хлебавши, как иные османские военачальники, да еще и своих людей отдать на убой?..

Достаточно было подзудить и распалить племенных вождей. Тогда уж они возжаждут кровушки и пойдут с мечом на брата-супостата.

Меня побудили взяться за перо два больших вопроса, перекликающиеся с нашими днями.

Первый вопрос, обернувшийся бедой для нашей нации — клановая и партийная «междоусобица».

И еще — искусственное раскалывание единой нации, людей, исповедующих одну и ту же веру, поклоняющихся единому Аллаху и его Посланнику, на шиитов и суннитов.

В свое время льстецы, желая угодить шаху Хатаи, величали его «Исмаилом Велиуллахом»¹, а позднее переименовали это имя на «Алийен Велиуллах»². Тем самым вбили клин в тело нации.

Между тем и тогда, и поныне в народе говорят: «В Коране нет речи о суннитах и шиитах. Кто был вождем после благословенного пророка, кто пришел к власти, тот и выдумал все это...»

Вот две тревоги—заботы мои. Да и, наверно, твои, читатель.

Кто унаследует власть?

¹ Велиуллах — наместник Аллаха

² Алийен Велиуллах — богоданный наместник Али

Начался гурултай—съезд. Собрались предводители всех племен, именитые военачальники, почтенные аксакалы. Кому после шаха Исмаила надлежит взять бразды правления? Наследников хватало. Каждый гнул свое. Каждый хотел видеть на троне, отмеченной славой Джамшида, «своего» престолонаследника. Конец словопрениям и передрягам положили старейшины:

—Созовите гурултай. Пусть всем миром решится. Всем миром.

И вот гурултай гудит, судит-рядит. По сути, гурултай был созван без широкой огласки.

Тем не менее, что-то учуяли таджики-фарсы, грузины, талыши, черкесы, курды, кыпчаки — большие общины; они с волнением уповали, что на съезде верх возьмут вожди племен, которые были им ближе. Несмотря на внутренние распри и соперничество с туркманами и текели в стремлении урвать кусок пожирнее, на гурултае они выступали с единых позиций. На этом судьбоносном собрании участвовали такие знатные полководцы и эмиры, как Садреддин Сефевид, Гасанали-бей Зюльгадар, близкий родич шаха Имамгулу-бей из Мосула, Мусейб-бей Шахсевен, Гулу-бей Афшар, Имамгулу-бей Гаджар, Вели-бей Шамлу¹, Мохаммед-хан Устаджли, Эмир-хан Туркман и другие знаменитости. Не считая представителей этнические меньшинства, на гурултае участвовали 37 эмиров, представлявших 37 племен...

Стали перебирать имена представителей шахского рода. Каждое племя выдвигало того, с которым могло бы столкнуться.

—Гейдар Мирза...

—Неуживчивый. Не будет мира...

—Сулейман Мирза!

—Молод больно. Да и к власти не рвется.

—Махмуд Мирза!

—Не горазд... Вот Гасан Мирза — это еще куда ни шло.

—Махмуд Мирза или же Ибрагим Мирза...

—Али Мирза...

—Ахмед Мирза...

—Хамза Мирза, а нет, так Аббас Мирза...

—Малы еще.

—Тогда Абуталиб... Тахмас Мирза...

Даже грудного младенца умершего венценосца не забыли упомянуть.

—Шахшуджа Мирза...

Все рассмеялись. Даже чинные аксакалы не смогли утаить улыбку.

—Может, есть еще и в материнском чреве...

—Пусть и шахский сын, но если молоко еще на губах не обсохло...

—Кабы другого наследника не нашлось, тогда уж... можно объявить престолонаследником и младенца и вверить опеку. Но ведь сейчас, слава Аллаху, шахского потомства — пруд пруди. Машаллах, наши шахи и шахзаде насчет продолжения рода трудились усердно...

—Перихан-ханум! — предложил кто-то.

—Нам только этого не хватало — под сенью женщины обраться...

—Она — женщина достойная, радетьная...

—Что ж... пусть помогает советами тому, кто займет престол...

Обсуждение затягивалось. Споры могли перерасти в обиду и ссору. Эмиры— аксакалы переглядывались друг с другом, ища выхода. Но придти к единому мнению не могли. Как и партии, которые впоследствии народятся на свет, читатель. И строки Мирзы Алекпера Сабира, кажется, были написаны много раньше, в том самом шестнадцатом веке:

*Не сыщешь средь мильонов мусульман
Кавказских — хоть бы двух единоплеменных...*

Это прозвучало в Баку, Шемахе... И во времена сефевидов, в стольном граде Казвине эмиры тюркских племен и общин, возмнившие себя умнее, искуснее и храбрее всех, не жаловали другие племена, и у каждого был свой вооруженный отряд.

Вечерело. Двор здания, где проходил гурултай, прилегающую площадь и улицы заполнил разношерстный, разноплеменный люд, гомонящий в нетерпеливом ожидании; коротали время разговорами о том, о сем, про жите-бытье, судачили, делились новостями местного значения. Слуги эмиров и ханов, прибывшие сюда из других краев, смешались с рядами конных воинов; справлялись у них о родне, о знакомых.

Но всеми владела одна дума-забота:

¹ Шам — старинное название Дамаска

—Да сподобит Аллах нас такого шахиншаха, чтобы жилось нам ладно и мирно. Чтобы чужеземцев изгнал из земли нашей. Чтобы положил конец распрям и междоусобицам.

—Аминь!

А внутри здания почтенный старец, до сих пор терпеливо и молча внимавший запальчивым речам и праздным спорам, ждал, к чему придут собравшиеся. И вдруг, повинувшись давно накипавшей досаде, взял слово и заговорил с горечью:

—Сыны мои! Творец даровал вам очи, чтобы вы различали свет и тьму, уши, чтобы внимали добрым словам, уста, чтобы произносили благие речи, руки и ноги, чтобы вершили путь и благо. Едва явившись на свет и лишившись внутриутробной пищи, сжав кулачки, вы начали кричать. И как только вам дали материнскую грудь, — вы вкусили и умолкли, и разжали кулачки... Не алчба ли побуждает вас драть горло и сейчас?.. Все мы смертны. Прожив отпущенный творцом земной срок, отправимся в мир иной, и канем во тьму. Кто может выйти из этого круга, преступить сей божий закон? Или хотите преступить? Что вы тогда ответите Творцу, создавшему вас во плоти и крови, вдохнувшего в вас жизнь? Зачем вы грызете друг друга ради благ суетных? Замалчивая правду, кривите душой? Вспомните рубаи великого Хайяма:

*Я в городе Тусе на башне одной
Увидел ворону над шахской главой.
В пустые глазницы взирала она:
«Вот участь гордыни и славы земной...»*

Да! Пройдет суета сует, умолкнет бой барабанный! И протрубит труба Исрафила! К чему приведут сегодняшние свары и прения? Ради чего в этом бренном мире вы упражняетесь в суесловии? Вспомните опять же слова Хайяма:

*На замке, что шахам служил на веку,
Сидела кукушка на самом верху.
Крылами махая, не уставая
Бездумно твердила: ку-ку да ку-ку...*

—Мы собрались сюда не затем, чтобы слушать стихи! — глухо проворчал кто-то. Но в меджлисе царила такая тишина, что и муха пролетит — услышишь. Один из эмиров-гызлыбашей, питавший особое почтение к старцу, одернул ворчуна:

—Молчи!

Старец продолжал:

—Это о нас сказано. Потому я напоминаю неспроста. «Брось слово — ищущий подхватит». Будет уместно, если мы прислушаемся и к современному поэту из османцев. Ибо он обращался ко всем нам, людям тюркского рода-племени.

*Кто поверил от завета
В этот лживый бренный мир?
Переживший Мохаммеда,
В суете борений мир.*

*Шах ли, раб ли, в сей юдоли
Не избегнет смертной доли,
Предстает гнездовьем боли,
Лоном разрушений мир.*

*Все дела твои обманны,
Лишь измены постоянны,
Прибывают постояльцы,
Убывают в тленный мир¹.*

Давайте напоследок обратимся к нашему Насими. Внимать стихам — внимать заветам.

*Земля и небо — наша гавань, мы — якорь, брошенный в неё,
Неповторимые созданья, подобных нам не сыщешь в мире...*

Так будем же беречь неповторимое имя тюркского народа!

¹ Стихи средневекового турецкого поэта Азиза Махмуда Худай

Эмиры помоложе внимали словам старца как дедовским сказаниям, не вникая глубоко в их смысл, отнюдь не думая о бренности бытия и неизбежности смерти, и поглаживали эфес сабли или рукоять кинжала. Но пожилые эмиры, уже и сами ощущая необходимость выработки единого, согласного мнения, одобрительно воспринимали поучительные речи аксакала.

—Сыны мои! Исходя из наших всеобщих чаяний, радея о благе и безопасности нашей страны, то и дело подвергающейся нашествиям, хочу сообщить вам свое предложение. Надеюсь, по зрелом размышлении вы согласитесь с ним.

Все обратились в слух.

—Быть может, — продолжал старец, — человек, о котором скажу, внесет согласие и примирение в ваши ряды. И только тогда вы сможете дать отпор врагам, окружающим нас.

Где-то прошелестел смешок. По сути, многие из присутствующих не верили в установление согласия между племена. Мешала гордыня. И старые счеты. Но перед лицом врага... И ведь храбрости и доблести им было не занимать!

Старец словно прочел их мысли.

—Знаю, никто из вас не обделен ратной доблестью. Вы испытанные, опытные воины. И, представьте себе, сколь выиграет отечество, если эти силы и умение сжать в один кулак!

Один из предводителей нетерпеливо воскликнул:

—Говори, мой ага! Не томи нас ожиданием. Кого же ты считаешь достойным венца?

—Я имею в виду человека, который не проводит время в пиршествах и утехах, а радеет в молитвах и следует по праведному пути, указанному Всевышним, — добронравного и благочестивого шахзаде Мохаммеда Худабенде...

Этот шахзаде был сыном Тахмасиба Первого, внуком Шаха Исмаила Хатаи. По закону, имя его надлежало назвать первым в ряду возможных престолонаследников. Но Мохаммед Худабенде был далек от дворцовых и державных дел, от политических игр, — набожный человек, к тому же страдавший зрением. По возрасту был старшим из шахского дома, но не называли его именно из-за непричастности к каким бы то ни было кланам. Потому при упоминании его имени в меджлисе воцарилась тишина. Никакое племя не могло предъявить претензии к этой кандидатуре.

Более того, «нейтральность» и доброта шахзаде вселяла надежды на то, что на него относительно легче будет воздействовать, добиваться каких-то милостей и уступок. Никто, даже те, кто не питал особого расположения к Мохаммеду Худабенде и его близким, не мог найти довода против него. Они знали, каков образ жизни шахзаде, обитавшего с семейством в Ширазе. Все почувствовали облегчение. Уставшие от бесплодных и долгих споров и пререканий головы согласно закивали. Раньше всех заговорил военачальник, который с особым вниманием слушал старца.

—Твой совет — наш выбор. Да будет так!

—Да будет так!

—Отныне Мохаммед Худабенде — шахиншах, правитель Иранской державы.

—Да благословит Аллах!

—Мубарек!¹

—Поздравим же народ наш...

—Отправим гонца в Шираз...

—Но ведь надо испросить его согласия...

—Как же ему не согласиться?...

—Прежде всего, поздравить надо Перихан-ханум.

Посылать гонца не было не нужды. Но присутствующие об этом еще не знали.

Один из тех, кто хорошо знал нрав старшей жены новоназванного наследника престола — Мехти-Улию — сокрушенно проворчал: «Эх... Видит Аллах, отвергли женщину шахских кровей — Перихан... А теперь, хочешь не хочешь, пляши под дудку худородной шахини...»

Тридцать семь племен сошлись во мнении — в первый и последний раз — одобрили и подписались под решением: «Быть шахом Мохаммеду Худабенде».

(О, если б и наши нынешние «тридцать семь» хоть один раз на веку пришли к согласию...)

Кто-то опередив всех, даже государственного визиря — «эшик-агасы» — вышел из здания и возгласил у дверей:

—Да здравствует властелин Иран-земина, шахиншах Мохаммед Худабенде!

—Да славится! — подхватили голоса.

—Да славится!

Гонца посылать не пришлось. Ибо уже со дня убиения Исмаила Второго соглядатаи Мехти-Улии, которую иначе звали Хейраниса-бейим¹, позаботились о том,

¹ Слово благословения

¹ Бейим — старшая жена

чтобы на всем протяжении дороги от Казвина до Шираза расставить через каждые шесть агачей (верст) дозорных вестовых. Они немедля оповещали главного начальника — Мирзу Салмана обо всем, что происходило.

Добрая весть, хотя и окропленная кровью

Мехти-Улия томилась ожиданием. Прекрасный Шираз не радовал ее взор. Доносчики и соглядатаи, расставленные ею на дороге, чуть ли не с телеграфной скоростью оповещали ее о делах в столице. А оттуда шли всякие вести. Смерть шаха Исмаила... скажем так, не очень удивила Мехти-Улию. Ибо реформы, осуществлявшиеся молодым шахом, пришлись не по душе вождям племен. Последних, помышлявших, главным образом, о личном обогащении, приближении ко двору и усилении своего влияния, ничуть не интересовало духовное единение, устранение разлада и раскола между шиитами и суннитами. Хотя и ряд племен проявил добрую волю к сближению, об общем сплочении речи не могло идти. Духовные пастыри племен никак не соглашались с устранением кастовых различий между единоверцами, придерживавшихся разных таригатов. Они опасались, что шах Исмаил, приняв суннитство, начнет подавлять шиизм, насажденный его дедом и расцветший пышным цветом, и всячески распространяли слухи о мнимой угрозе.

Действительно, шах Исмаил Второй не принимал добавление, внесенное шиитами в «кялмеишехадет» («опознавательный» пароль правоверных) — «...Алийен велиуллах» (после слов «нет Аллаха, кроме Аллаха, и Мохаммед посланник Его...»).

Шах говорил, что во времена пророка-вероучителя такого не было, нет упоминания об Али и в Коране.

В череде вестей дошла новость о загадочной смерти Шаха Исмаила.

Одни говорили: с перепоя умер. Другие сообщали, что шах, одевшись простолоудином, вышел в город пройтись, к полуночи отправился переночевать к сыну придворного кондитера — Гасан-бею, там у него случились колики. И к утру обнаружили его бездыханным. Нашлись и те, кто грешил на Перихан-ханум: дескать, чтобы привести к власти Гейдара Мирзу, она подговорила кого-то из челяди преподнести венценосцу отравленное вино. Раздавались и другие голоса: мол, тут замешана религиозная распря, и задушили шаха по наущению духовных пастырей. Скорее всего, и суннитских, и шиитских...

Со дня, когда пришла весть о кончине (или убиении) шаха, Мехти-Улия лишилась покоя. Конечно, заветной её мечтой было видеть мужа своего, — Мохаммеда Худавенде — на троне.. при всем том его тревожило множество возможных претендентов — из шахского рода. Отец её, правитель Мазандарана Мир-Абдуллах хан, пал жертвой передраг за власть. Двадцать лет тому назад стряслась эта беда. Хейраниса-бейим, нося в сердце незаживающую рану, ждала лучших времен. Но и без дела не сидела. Вела тайные переговоры с «благонадежными», верными ей племенами, кастами, а также с фарсами, которые отнюдь не жаловали это разношерстное сообщество; не скупилась на обещания и посулы.

Из Газвина продолжали поступать вести. Сообщили, что во дворце обнаружено завещание покойного шаха; будто он завещал венец и трон Гейдару Мирзе, и группа племенных предводителей согласилась с этим. Согласилась из расчета, что молодым неопытным Гейдаром Мирзой они будут вертеть, как им угодно.

Долгожданный час настал.

К ней пожаловал в ином облачении сват — тесть второго сына Гамзы — Мирза Салман, по происхождению фарс. Мехти-Улия держала с ним совет по вопросам, которые утаивала даже от мужа. Сват был ее самым доверенным лицом Мирза Салман прибыл с радостной вестью: на гурултае было решено, после долгих споров, остановиться на Мохаммеде. Мы уже говорили, что последний был слаб глазами и нрава смиренного, покладистого. Да, и доверчивого. Наверное, вожди племен именно из-за этих свойств характера сочли его самым подходящим соискателем венца.

Мирза Салман, зная нрав будущей шахини, старался всячески снискать её расположение, услужить, угодить. Его будущая придворная карьера решалась сейчас. Хотя окладистая борода доходила до груди, тычась в живописный, расшитый золотом темно-синий кафтан, он еще был, что называется, мужчина в соку.

Вступив в покои ханум, он преклонил колени и, ползая на коленях по подостланным тюфячкам—«мутаккя», пал ниц перед ней. Так он приветствовал лишь властелина и его благоверную. У Хейраниса-бейим сердце зашлось. Она прекрасно понимала смысл этого подчеркнутого пиетета. Помедлила, тешась. И улыбнувшись, кокетливо проговорила:

—Мирза Салман, встаньте... вам позволительно...

Сват пыхтел под тяжестью своего тучного тела, и запоздалое разрешение подняться усугубило его пыхтенье. Встал-таки. И не смея поднять глаз, только следя за её жестами, выпалил:

—Я пришел порадовать вашу честь благой новостью!

—Какой же?

Она и сама догадывалась, но разыгрывала из себя святую невинность, не желая выказывать свое ликование — даже перед верным прислужником.

Но и Мирза Салман был тертый калач. Испросив разрешения, начал:

—Достопочтенная ханум! Тому назад несколько дней толика племен чуть было не привела к власти Гейдара Мирзу. Прошла ещё пара дней. Госпоже известно, что афшары, гаджары, румийцы терпеть не могут его. Потому его... гм... прикончили вооруженные нукеры в собственном казвинском доме. Большинство о нем и слышать не хотело...

«Шахине без пяти минут» не терпелось услышать вождленную новость. Посетитель уловил это нетерпение.

—Бейим! Третьего дня вожди племен собрались на гурултай. И все в один голос остановили выбор на шахзаде Мохаммеде. Приняли решение. Я счел своим долгом сообщить вам и Худабенде эту весть... о которой пока никто, кроме гурултайцев, не знает...

«Ах ты плут!.. Если никто, кроме тюркских эмиров на гурултае, не знает, ты-то откуда пронюхал? Ты ведь не тюрок, не эмир, не вождь племени!»

Мирза Салман же продолжал льстивые излияния:

—Госпожа моя, я как верный нукер вашего очага, внедрил своих осведомителей...

Хейраниса-бейим поднялась, пытаясь скрыть радость. Тотчас же вскочил и Мирза Салман.

—Пойдем, Мирза, поздравим нашего шаха. Вдвоем. Поглядим, чем тебя одарят за добрую весть. Моя награда — с этого дня ты мой личный визирь.

Мирза Салман, независимо от предстоящей награды, добился главной цели. И ничто — ни титулы, ни дары — не могли его столь возрадовать. Он-то знал, в чьих руках окажутся бразды правления. Быть визирем у главной жены венценосца, такой, как Хейраниса-бейим, означало иметь неимоверную власть.

—Как изволите, о радость правоверных! Я уже вознагражден сполна. И кроме этого...

Новоиспеченный визирь, покорно следуя за госпожой, наклонившись, поцеловал край её платка, свисавшего до колен.

... Шахзаде Мохаммед творил молитву. Разумеется, полагалось повременить, пока он не окончит намаз и не соизволит обратить на них внимание. Худабенда совершал намаз с особым усердием и тщанием. Вошедшие упустили время намаза, как говорится, «не углядели овцу, ставшую добычей волка». Их мысли занимало отнюдь не служение Всевышнему. Все чувства захлестнула неопишуемая радость. Бейим даже в сердцах подсадовала, что муж творит намаз именно в это время, в этот час, когда вершится судьба... Мало ему ночных радений. И теперь терпи, пока он dokonчит. «Горе молящимся, которые о молитве своей небрегут...» «Когда придет помощь Аллаха и победа...»¹. Ещё три рукета осталось...

То же нетерпение испытывал и Мирза Салман, однако, ничем не выказывавший своих чувств.

Мохаммед, занятый богоугодным служением, не мог не заметить неожиданного вторжения: «Чего они от меня хотят?» Шепча слова молитвы, он мысленно укорил себя за то, что отвлекся от общения с Всевышним и невольно вспомнил предание о пророке Мохаммеде, ведшем разговор с приближенными о богослужении, и все были едины во мнении, что даже при самом истовом радении душа так или иначе будет отвлекаться мирскими заботами. Пророк предлагает: кто совершит два рукета намаза, не отвлекаясь на посторонние мысли, тот получит в дар верблюда; присутствовавший при этом Хазрет Али также участвует в совершении намаза, и затем Посланник Аллаха говорит ему: «О, Али! Твое благочестие ведомо всем нам, но скажи, посетило ли тебя постороннее желание?» Али отвечает: «О, Посланник Аллаха, я истово молился и не помышлял ни о чем другом. Однако в последний миг я подумал: какой верблюд мне достанется: белый или...?»

Худабенда, занятый молитвой, досадовал, что уединенное радение его нарушено неуместным появлением людей, на которых ещё он не взглянул.

Наконец, он окончил молитву, приложился устами к печатке и четкам, лежавшим на молитвенном платке—джанамазе, сложил платок и обратил взоры на вошедших. При виде их заморгал, щуря подслеповатые глаза со спутанными ресницами.

—Вы? Извольте сесть... Что случилось? К добру ли ваше появление? Мне, знаете, накануне приснился тревожный сон.

Вошедшие опустились на колени: бейим поближе, Мирза Салман — поодаль. Первой начала она:

—Гиблеи-алем¹, первой присягает тебе, первой поздравляет и приветствует тебя и уповаает на награду за благу ю весть мать четырех чад твоих Мехти-Улия...

¹ Из Корана. (Перевод И.Ю.Крачковского)

¹ Почтительное обращение; означает «кибле мира»

Ей вторил дребезжащим и дрожащим голосом Мирза Салман. Худабенда почему-то не сводил взгляда с его трясущейся бороды.

Похоже, после намаза в его тусклых глазах прибавилось света. А из-за трясущейся крашеной бороды лилась велеречивая тирада:

—Паду у ног твоих, гиблеи-алем! Да хранит Творец твою державу. Да продлятся дни падишаха нашего, света очей наших, и да пребудет во веки веков вверенная тебе страна! Да благословит тебя дух великого деда шахиншаха Исмаила, многолетнего правителя салтаната, отца твоего шаха Тахмасиба! Да преклонит голову мир перед троном твоим и благословит волю твою. Да придет свет очам твоим и милость душе твоей!

Мирза Салман не знал удержу. Хейраниса-бейим скрипела зубами: «Бес бородатый! Чего он талдычит про свет очей, то, се... Будь свет в очах, он бы... Знай плешивый исцеленья — себе бы удружил...»

—Господь Творец...

Худабенда все еще пребывал в отрешенном состоянии, вызванном истовым радением, и слушал вполуха, не понимая толком, о чем речь.

—Что же произошло, Мехти-Улия? Уж не беда ли какая?

Жена поспешила растолковать:

—Какая беда? Радуйся! Ты уже не шахзаде, а шах!

Худабенда снова часто заморгал, глаза его выкатились из-под набрякших век.

—Что?

Бейим и Мирза Салман заговорили наперебой:

—Гиблеи-алем, перебираемся в Газвин! В столицу! О, внук Исмаила, о, сын Тахмасиба, в Газвин собирайся! Гурултай тюркских вождей призвал тебя на шахский трон, под шахский венец! Тебя, Худабенда, раба Божия!

Бейим подступила к мужу, поцеловав ему руку, приложила к челу своему.

—Паду я за тебя, отныне ты — шахиншах Ирана.

Растроганный и разделяющий радость жены Мохаммед Худабенда при словах «паду за тебя» прошептал: «не приведи Аллах!»

Бейим не столько услышала, сколько угадала эти слова по движению губ и, забыв о присутствии Мирза Салмана, припала к коленям мужа.

—Да убережет тебя Аллах от бед и напастей! Паду ради тебя, ради чад наших, ради всех вас!

Мохаммед легким мановением отстранил ее от себя.

Мирза Салман молча наблюдал за ними, боясь пикнуть. Как же любила эта красавица своего благоверного! И Мохаммед души не чаял в ней, обожал ее, и, Аллах свидетель, сколько упоительных ночей провел с ней, и не променял ее ни на какую придворную прелестницу.

Мирза Салман был не настолько глуп, чтобы не понимать щекотливость положения. Он рискнул подать голос:

—Если господин мой, шахиншах Ирана, позволит откланяться покорному слуге, я бы отправился готовиться к переезду...

Бейим радостно опередила мужа, не считаясь с установлениями этикета:

—Ты свободен, Мирза, свободен. Ступай, собирайся в путь-дорогу. Сегодня же кончайте сборы.

—Слушаюсь и повинуюсь.

Мирза Салман ушел.

Хейраниса-бейим дала волю обуревавшему ее восторгу, кинулась в объятия мужа, осыпая жаркими поцелуями отца своих детей, спутника жизни своей и отныне шаха страны своей... «Аллах, ниспослав тебя, сподобил счастья... — прошептал набожный Мохаммед. — Ты — дар Творца...»

Так бывало всегда; пока муж решал, как быть, что предпринять, она опережала его. Уже народила четверых детей, но все еще была молода сердцем и плотью. Создатель одарил ее страстной натурой. И теперь, разоблачая супруга, в буквальном смысле слова, она распалась сама, и распаяла его. Она пользовалась предоставившимся моментом. Ведь завтра предстоит отправиться в путь. Дорога утомит ее благоверного, а в Газвине начнется череда ритуалов, восшествие на престол, возлагание венца, поздравления, приемы вождей племен, иностранных представителей... она упивалась стихией захлестнувшей ее страсти, ощущая ее каждой клеточкой своего тела, наслаждалась и доставляла наслаждение ему, пила эту усладу, как жаждущая газель пьет воду, обвивая руками мужа. «Какая неистовая сила в этих хрупких руках!» — изумлялся он, старался отвечать на ласки с тем же пылом, да и стараний не требовалось, — он и сам воспламенился от огня, исходящего от ее дыхания. В эту ночь, кажется, они так и не уснули. Будто спешили возместить тяготы предстоящих многотрудных дней.

До Хейраниса-бейим дошли разговоры о том, что собираются явиться сваты к ее золовке Фатиме Солтан, дочери шаха Тахмасиба. Прознала, кто желает породниться с ними. Ее осведомители подтвердили слухи. Это был сын знатного, именитого эмира, Амирхана Туркмана, пользовавшегося широким влиянием. Бейим понимала, что женив сына на шахской дочери, эмир упрочит влияние и роль своего племени. Собственно говоря, все эмиры стремились усилить позиции своего «электората», опередить и оттеснить пользовавшихся изрядным влиянием при дворе шамлы и устаджлы. Верным путем были узы родства. Такие «политические» браки были не внове. Теперь и туркманский эмир решил прибегнуть к этому способу. Ему и в голову не приходила мысль о возможном отказе. Правда, он знал об отношении старшей жены шаха к своей «тайфе»¹, но эта затея эмира означала также и желание смягчить отношения с самой шахиней, как бы «сварить плов примирения».

Пока эмир отправлялся в шахский дом в качестве просителя-свата, он не преминул обставить визит с особой помпой, подобающей гостю, преступающему через порог государя. Он собрал именитых аксакалов, которым предстояло, как велел обычай, воссесть на «элчи-дашы» — «сватов камень». Придирчивое внимание уделил их одеянию, оружию, чтоб все выглядело честь по чести. Хотя еще об обручении и речи не шло, загодя приготовили дорогие дары для шаха, старшей жены и искомой невесты. Эти подношения надлежало нести нукерам и служанкам на голове, на плечах и на руках. Пусть знает Башхарем — старшая—главная жена, сующая нос в державные дела, что и эмир не лыком шит, и не какая-нибудь чернь пожаловала к их порогу.

И вот они явились — впереди шествуют аксакалы, за ними эмиры, следом — челядь с дарами. Народ, столпившись по обе стороны дороги, глазел на пышную церемонию. Судили-рядили, кто, кого кому сватает, что ответит шахский дом, согласятся ли выдать замуж Фатиму.

—Да, ничего не скажешь... достойно имени...

—И его, и...

—Амирхан маху не даст. Знает, в чьи двери стучится...

—Валлах, мне не верится... эта шахиня, знаешь ли...

—Да, с ихним родом—племенем не в ладах... Она только свой отчий край признает, Мазандаран. Да еще с таджиками—фарсами якшается.

—Тебе-то какое дело?..

—А что я такого сказал?

—Говори, да не заговаривайся. Держи свое при себе. Смотри и помалкивай.

—Ну да. Какое тебе дело до шахини? Нашел, о чем говорить!

—Я своими глазами видел ее, когда она ринулась в бой с нашенскими, из рода зюльгадар. Огонь—женщина! На коне, в шлеме, с мечом—щитом! Клянусь, у эмиров поджилки тряслись при виде ее... Она такие крутые приказы отдавала! Лучше бы Аллах сподобил такой отвагой ее благоверного...

—Всевышний забыл, видно, с тобой посоветоваться...

—Клянусь жизнью, правду говорю. Она и есть истинный падишах!

—И полководец!

—Хватит вам молоть языком! Дайте поглядеть спокойно! А что до падишаха — чем плох? Благочестивый, праведный, опора ислама, слуга Аллаха... Ревнитель Хазрета Али... И мудростью не обделен, как и его предки...

—Может, и так. Не могу сказать. Но насчет того, чтоб мечом владеть... и державу держать в руках — слаб... Предоставил бразды правления своей жене. А она поступает, как ей заблагорассудится. Говорят еще, что добро из казны потихоньку к себе в отчий дом, в Мазандаран сплавляет...

—И за кровь отца отомстила...

—Отомстила — не то слово... Все гызылбашские племена кровью давятся... по ее милости.

—А как же... Они-то ее отца не пощадили... удавили...

—Ну и ну... Двадцать лет спустя...

—Да пусть хоть и полвека пройдет. Такое не прощается.

—Враги тоже от нее не отстают. Еще те живодёры...

—Послушай, ты! Придержи язык! Гызылбашских эмиров живодёрами называешь? Клянусь, я тебе брюхо вспорю!

—Аллах, помилуй!

—А этот чего взъелся?

—Гызылбаш он — потому.

—Вот оно как...

«Караван» сватов чинно и торжественно продолжал шествие.

В тронном зале собралось несколько человек из свиты.

Самого венценосца еще не было.

¹ Тайфа — племя, этническая группа

Он должен явиться после сватов, и тогда все встанут с мест и затем, опустившись на колени, приложат уста к полу у ног его величества.

Не явилась пока и шахиня. Она войдет вместе с шахом. А пока, занятая туалетом, в окружении обхаживающих, охорашивающих ее горничных, иногда она подходила к окнам с венецианским стеклом и поглядывала на «караван сватов», вступающих на дворцовую площадь. Ну и помпа! — думала она. — Амирхан, гляди, как напыжился, грудь колесом... Кого хотят удивить этой пышностью? Впрочем... может, так и должно. Ведь к кому свататься пришли — шахской внучке, шахской дочери и сестре шаха! Но мы-то знаем, где собака зарыта. Он мнит, что мы не догадываемся о его истинных намерениях. Породниться шахским домом... Что ж, посмотрим. А пыжится, пыжится-то как! Будто уже получил согласие! Сколько наворотили хончи¹! Держи карман пошире! Я — не я, если ты не получишь от ворот поворот...»

Вот уже несколько дней, узнав о предстоящем сватовстве, она нашептывала мужу всякие страхи об Амирхане, о том, что он натворит и может натворить, твердила, что сын у эмира слабоумный, недостойный столь высокородной красавицы, как Фатима. Посвятила в дело и своих людей. Ее мазандаранская родня, земляки, приятели — Гусейн Ширази, астролог Афзал Газвини, Мирза Салман были «обработаны» соответствующим образом.

... Последние сейчас восседали в приемных покоях по левую руку от шахбану — шахини, покуривая кальян. Они и без ее наущений знали, что к чему. Шила в мешке не утаишь. Конечно же, все трое друзей были едины во мнении с шахбану. Они тоже не хотели усиления племени туркман.

У ворот дворца сегодня стояла стража, возглавляемая Усатым Чавушем. Чавуш, питавший расположение к гызылбашам и к самому Амирхану Туркману, с радостью взирал на процессию. «Эшик-агасы» — визирь по внешним делам, — незаметно ткнул его в бок, мол, помни о своих служебных обязанностях и рта не разевай. Чавуш, чьи пышные закрученные усищи доходили до затылка, хватился и вытянулся в струнку, стрельнув глазами на подопечных и призывая их подтянуться. Стража тоже была увлечена зрелищем. Ведь не каждый день приходится видеть такое.

Процессия вошла в благолепный просторный двор чертога с сорока колоннами. Эшик-агасы и придворные, раскрыв настежь двери приемных покоев, положили руки на сердце и склонили головы. Сваты вошли. Увидев рассеявшихся по правую руку от шаха перед тронном поменьше и поскромнее, эмиров — ширазского, исфаганского, таджикского, персидского, они почувствовали себя неудобно, но виду не подали.

Главный визирь показал им место по левую руку от престола. Только сваты уселись, как открылась резная золоченая дверь. Вошел Мохаммед Худабенда, следом — шахбану. Шахская чета была в торжественном одеянии. Главу его величества венчала старинная двенадцатиугольная корона, искрометно сверкавшая под разноцветными бликами, исходившими от витражей. У шаха рябило в глазах. Он ступал, часто моргая. С помощью услужливо кинувшегося к нему визиря он занял место на троне.

Шахбану разоделась с особым шиком. На ее голове блистала диадема. Сквозь нигаб — тонкую вуаль, прикрывавшую лицо — просвечивали черные писанные брови, тонкие нервные губы. Появление шахбану никого не удивило. Решение важных державных дел не обходилось без нее. А сегодняшнее ее участие в таком деликатном деле, как прием сватов, выглядело вполне естественно.

При появлении шахской четы сваты, примостившиеся на подушечках, разложенных поверх тебризского ковра, разом вскочили и, приложив десницы к сердцу, поклонились. И застыли в этой позе. Наконец, шах промолвил:

— Садитесь, любезные господа, садитесь.

Правитель, шуря подслеповатые глаза, всматривался в гостей, стараясь узнать их в лицо. Он, по сути, знал их всех. Но сейчас, их, сидевших на почтительном расстоянии от престола, видел нечетко и затруднялся определить поименно.

Главный визирь поспешил помочь:

— Предводитель племени туркман господин Амирхан... аксакалы и эмиры гызылбашей такие-то...

Шах прервал:

— Нет нужды перечислять... Я знаю, визирь. — И обратился ко всем присутствующим, не фиксируя внимание на Амирхане: — Извольте, господа. Аллах вам в помощь. С чем пожаловали?

Первый заговорил Гара Багир Туркман, старый дядя эмира, уважаемый не только в «тайфе», но и вне ее, еще во времена шаха Тахмасиба отличившийся как храбрый военачальник.

— Иншаллах, великий шах, по благому делу явились. Преклонив головы, обращаем взоры к престолу твоему. Благословляя память шаха Исмаила, шаха Тахмасиба и целую прах у ног твоих, мы пришли изъяснить свое заветное чаянье...

¹ Хонча — свадебное подношение

—И каково же ваше чайнье?

—О, гиблеи-алем, есть в твоей дворцовой сокровищнице редкостная бесценная перлина... Венец целомудрия и красоты... Мы говорим о внучке достославного Исмаила, дочери незабвенного Тахмасиба, вашей сестре...

Шахбану, не выдержав велеречивых излияний старика, перебила с кислой миной:

—Не тяни, любезный. Не отнимай драгоценное время его величества.

Грубая реплика оскорбила чувства присутствующих, но зная крутой нрав шахбану, никто не посмел выказать недовольства. Один лишь Амирхан Туркман, побелев лицом, непроизвольно потянулся рукой к рукоятке кинжала на поясе. Но эту мгновенную вспышку гнева охладил ровный тон дяди-старика, пропустившего оскорбленный окрик мимо ушей:

—Ваше величество, мы явились просить руки Фатимы Солтан именем сына уважаемого Амирхана — племянника моего.

—Как... для этого недоросля? — снова взъерепенилась шахбану.

Шах почувствовал, что разговор грозит перейти в перепалку и свару. Поднял руку. Все замерли в ожидании. Худабенда сказал мягким умиротворяющим тоном:

—Мы рады видеть вас... Пришли — честь вам и место. И чайнье ваше благое. Ваше сватовство делает честь... и самой шахзаде-ханум. Но дело в том...

—В чем же?

Никто не понял, кто подал эту реплику. Первые слова шаха пробудили в сердцах сватов робкую надежду... Правитель договорил:

—... что это лестное родство, к сожалению, не может состояться... Ибо я только вчера дал слово другому уважаемому роду, испросившему руки Фатимы...

—Уж не племяннику ли шахбану?..

Снова не разобрать было, кто задал этот вопрос. Вышел полный конфуз. Отказ накалил атмосферу настолько, что не без ехидства брошенная реплика затерялась в общем гомоне.

Все знали о неприязни шахбану Мехти-Улии к туркманам. Потому сваты больше адресовались к шаху, стараясь не вступать в разговор с женщиной и как бы игнорируя ее. Но не тут-то было.

—Племяннику или нет — не суть важно... Во всяком случае, племя Амирхана Туркмана не породнится с шахиншахом... со всеми предполагаемыми последствиями...

Уже было не до соблюдения дипломатических приличий.

Сваты, уязвленные и негодующие, поднялись с мест.

—Мы уходим, властелин!

—Ваша воля... — только и смог выдавить из себя шах, не замечая, как руки посрамленных просителей сжимают рукоятки кинжалов. Он сидел, растерянно хлопая глазами. Шахбану же видела все. Бросила язвительно вдогонку:

—Держитесь покрепче за кинжалы. Могут пригодиться...

Так провалилось сватовство. Врагов Мохаммеда, вернее, его благоверной, и без того многочисленных, прибавилось еще на одного. К тому же грозного и сильного... Может, самого заклятого.

Старый дядя эмира был обескуражен случившимся. Родичи услышали горестный вздох, слетевший с его уст: «Подкаблучник...»

Мать и сын

С недавней поры Хейраниса-бейим открылась новость, вселившая тревогу и смуту в ее материнское сердце. Ее сын Гамза Мирза влюбился в младшую дочь Деде Будага, предводителя румийской общины. Дочь звали Эсьма-ханум. Юноша ходил сам не свой, прямо-таки сохнул по ней. А девица была другим не чета. По слухам, она тягалась на равных с игитами, и в седле, и в стрельбе из лука, — косулю на скаку подстрелит, не промахнется, и мечом владела, словом, ни дать, ни взять, амазонка. Другие сообщали об иных достоинствах и добродетелях. Мол, она мечтательная, поэтическая натура, светлая голова, знает наизусть стихи Насими из Ширвана, убиенного в Халебе, Шаха Исмаила Хатаи и газели волшебника слова из рода Баят, нынешнего смиренного служителя святилища Имама Гусейна — Мохаммеда, подписывающего свои стихи псевдонимом «Физули»... И сама она — воплощение волшебной красоты, воспетой великими устадами Востока.

Чем больше восторженных отзывов слышала шахбану, тем большая тревога охватывала ее душу, и она вольно или невольно проникалась заочной ревнивой неприязнью к прелестной румийке, смутившей покой ее любимого сына.

Хотя Мехти-Улия больше подходило сравнение с коршуном, но теперь она скорее напоминала наездку, готовую заклевать некую хищницу, посягающую на ее цыпленка... Она не знала, что противопоставить этой стихии, этому наваждению. Здесь было не то, что с неугодными эмирами, которых убрать с дороги — раз плюнуть...

Она не хотела бы неосторожным вмешательством нанести обиду сыну. Думала, как бы его образумить, уговорить, побудить отрешиться от этой любви. Или... может,

попытаться отдалить девушку, но так, чтобы Гамза Мирза не прознал, не почувствовал, что здесь мать руку приложила. А это было невозможно в дворцовой среде. Кому бы она ни доверила подобное дело — рано или поздно тайна раскроется, проболтается сам пособник или пронюхает кто-то из недоброхотов, желающих насолить ей, поссорить с сыном и воспользоваться его доверием в будущей закулисной борьбе за власть...

Потому, прежде чем вызвать и переговорить с отцом девушки, Деде-Будагом, решила сперва побеседовать с сыном. Она уже узнала мнение шаха: набожный Мохаммед Худабенда, истый шиит, конечно, был против того, чтобы приводить в дом невестку из суннитов, родниться с ними. Ибо потом сунниты начнут встречать в дворцовую жизнь. Мохаммед считал себя обязанным следовать дедовской стезей.

И вот мать и сын сидят наедине. Шахбану ласково поглаживает его по плечу; сын давно уж не видел таких памятных сызмала нежностей со стороны матери. Растроганный лаской, он совсем по-детски приложился головой к ее коленям.

Мехти-Улия заранее знала, какие слова скажет сыну.

—Сынок мой, что ты ластишься к матери, как дитя?... Машаллах, ты уже взрослый мужчина, богатырь... силен, как лев, храбр, как волк... И стрелок — хоть куда, и десница крута, как поднимаешь ты меч — так и головы с плеч... Удалая краса, супостатом — гроза... Скольких добрых коней загонял-доконал? Скольких нежных косуль на шампур нанизал? Скольких славных красунь сна-покою лишал?..

—Ах, мать... ты прямо как плакальщицы... запела...

—Типун тебе на язык! Причем тут плакальщицы?... Упаси Аллах!

—Я видел в селах, как отпевают покойников... причитают, восхваляют... будто собираются на престол посадить...

—Откуда такое взбрело тебе на ум? Я-то на радостях, а ты...

Сын расхохотался и, запрокинув голову, лукаво взглянул на мать, теребя обозначившиеся усики.

—На радостях, говоришь? Кого-то присмотрела для меня?

—Ох... лишь бы тебе приглянулась и по сердцу пришлась... А невестушек — хоть отбавляй. Мало ли красавиц среди нашей родни, в нашей столице. Кого ни покажи пальцем, кому ни кинь с крыши яблочко, — с готовностью выдадут за тебя. А будут артачиться — шкуру сдеру, уломаю.

—И все-таки... уточни...

—Что именно?

—Кому же, какому роду-племени ты бы отдала предпочтение?

—Мало ли знатных, достойных, именитых семей. Взять хотя бы Мазандаран.

Шахзаде расхохотался.

—Или ты взяла на прицел какую-нибудь из внучатых племянниц?

Рассмеялась и мать.

—Да нет же! Все они повыходили замуж. Разве ж дали бы засидеться?! Одна другой краше. На руках бы таких носить. Все на подбор — зернышки гранатовые сладкие.

Сын посерьезнел.

—Мать, а ты видела дочь румийца Деде Будага?

—Этого... суннита, что ли?

Гамза Мирза пропустил слово «суннит» мимо ушей, ластясь к матери:

—Да... зовут ее Эсьма. Вот сноха, о которой ты могла бы только мечтать. Из тех, кто, пока муж проснется, уже на ногах, пока муж коня оседлает — уже в седле, пока врага настигнет — она уже ему голову снесет... Подстать тебе...

—Упаси Аллах... Эсьма... Это же отравительница имама Гасана...

—Да что ты, мать! Опомнись! То было сотни лет тому назад. Эта же вчерашнее дитя...

—Имя дается неспроста. Каково имя — таков и нрав.

—Но, мать... Ее имя в самом святом Коране.

—Что? Не может быть! Имя отравительницы внука пророка? В Коране?

—Эх, мать. Когда писался Коран, даже деда нашей Эсьмы не было на свете. Но это имя действительно запечатлено в священном писании...

Матери было невдомек, что сын все это присочиняет, чтобы лишить ее неубедительного и смехотворного довода, исходящего из кастовых и религиозных пристрастий.

—Кто тебя этому научил? Уж не твой ли чалмоносный грамотей?

—Да, и этому...

—Хочешь стать святошей—всезнайкой? Оставь это моллам. Ты готовься стать правителем, радетелем и защитником отечества.

Шахзаде знал, что его мать при случае не прочь прикинуться истово верующей, а когда приспичит — может и пройтись по адресу молл. Так или иначе, сейчас нашла коса на камень, и ему надо было отстоять свою любовь, заступиться за Эсьму. Но как

матери объяснить, что для него — она единственная на свете, что свет клином сошелся на ней, дочери Деде Будага из рода румлу?

— Она... очаровала... околдовала мое сердце.

— Вот-вот. Околдовала. Наша вера не признает никаких колдуний, ворожей. По Корану, это богопротивное занятие.

— Опять ты с больной головы на здоровую валишь. Знаю, что Коран осуждает колдовство. Но здесь не то. Господь сподобил ее красоты бесподобной... А красота упоминается не однажды и в Коране. Не веришь мне, загляни в суру «Смоковница». «Мы сотворили человека лучшим сложением»¹.

— А как же наше расхождение в толках веры? Ведь они сунниты! Согласится ли с этим твой отец, правитель державы? А дух твоего прадеда, посвятившего всю жизнь утверждению шиитских устоев? Не оскорбится ли?

— О, мать моя... Аллах сказал: «Лехмике-лехми». То есть, плоть от плоти нашей. Ну, пусть они сунниты, но ведь поклоняются же одному Аллаху и пророку его! И чтят тот же Коран. И следуют путем, указанным пророком, когда шиитов и в помине не было. Пусть сунниты. Язык у нас один, вера едина, кровь едина, и враг один и тот же. Они вместе с нами защищают от врагов земли нашего великого отечества, объединенные дедом моим, вместе с нами кровь проливают, праведную кровь... Так пойми и ради любви твоей ко мне благослови Эсьму...

— Я не думаю, что твой отец даст согласие на этот брак.

— Если захочешь — ты склонишь его к согласию.

— Но ты не осознаешь одного...

— Чего же?

— Того, что этот... окаянный Деде Будаг — румиец! Он всучивает тебе свою дочь, чтоб пролезть в шахский дом. Какого черта суннитам подвизаться в шиитском дворце, в шиитском очаге!

— Нет, мать! Я не верю, чтобы столь достойный эмир отдавал свою дочь как мзду!..

В его голосе было столько обиды, что у шахбану, при всей неприязни к «будущей снохе», на миг дрогнуло сердце. «Кабы она не была сунниткой... Ну, хоть бы дочерью какого-нибудь захудалого эмира-гызылбаша! Но...»

— Послушай, — снова ощетинилась шахбану. — Что ты так заступаешься за своего Деде-Будага? О суннитах печешься? Или вздумал посадить их нам на шею? Как твой дядя Исмаил, павший жертвой распри между шиитами и суннитами. Хочешь обратить в ничто кровь, пролитую во имя утверждения шиитов? Этого никто тебе не простит. Да и не позволит! — Почувствовать, что хватилась через край, шахбану убавила тон: — Сын мой, задумайся над моими словами, услышь их сердцем.. Пусть в нем не останется места для... чужачки... Какую хочешь красавицу сосватаю тебе, только не суннитку. Это несбыточная блажь! Не навлекай на себя беду. И верь мне, я пожила на свете, знаю, что к чему. Знаю, что не только шиитские служители, гызылбашские эмиры, но и сами суннитские духовники воспротивятся этому. Друзья отвернутся, а недруги позлорадствуют... Кровинка моя! Ведь не чужая я тебе, лелеяла под сердцем своим, вскормила молоком своим, растила, нежила, все надежды связала с тобой, наследником престола! Я же тебе худого не пожелаю! И не допущу. Перейму печали твои! Не руби ветвь, на которой сидишь!

Гамза Мирза воспрянул духом: мать смягчила тон. И попытался рассеять ее страхи, уверяя в своей верности заветам предков.

— Что нужно нашему народу, людям, стране? Я задумываюсь над этим. Надо отрешиться от лукавого суесловия, крепить державу, накормить голодных и сирых, сплотить правоверных, оградить страну от посягательств. Исполнять и соблюдать законы, служащие во благо подданных, не допускать злоупотреблений карать правонарушителей... Я набираюсь ума... И книги о державных делах читаю, и слушаю наставления аксакалов, умудренных жизнью...

Похоже, эти слова немного успокоили шахбану. Но у нее занозой засело в сердце то, что услышала от визиря Мирзы Салмана и от некоторых других приближенных: шахзаде, говорили, мечтает устранить раскол между суннитами и шиитами, то бишь примирить их, уравнивать в правах. Мать опасалась, что сын окажется меж двух огней и попадет в беду; обе стороны ополчатся против него, одни обвинят в отступничестве, другие заподозрят в его миротворстве узурпаторский умысел.

Это опасение усугубляло ее тревогу.

Сын взял ее руку в свои и прижал к сердцу.

— Ну, что ты, мать?

— На все воля Аллаха...

— Ты довольна мной?

¹ Четвертый аят названной суры

—Лишь бы Всевышний был доволен, сын мой. Намерения у тебя благие... Да сбудутся твои мечты... Тогда, иншаллах, народ возлюбит тебя... и мне посчастливится увидеть твое восшествие на престол...

—Пока, слава Аллаху, жив мой отец. Да продлятся дни его... Я под сенью его и не жажду власти...

—Это верно. Но, говорят, Творец дал, Творец и взял... Никто не вечен в брэнном мире... Все — в воле божьей, сын мой. Если только ты не будешь встречать в религиозные споры, все пойдет, как надо...

«Никак нейдёт из головы у нее...» — подумал шахзаде. И был прав. Он в этом вновь убедится.

На охоте

Тюркская девушка, дочь Деде Будага знала толк в охоте и, бывало, отправлялась и одна пострелять дичь. Прекрасная, как утренняя заря, покоровшая сердце молодого шахского сына Эсьма... Правы восточные поэты: «брови — тетива, ресницы — стрелы».

У любви свой старый язык. «Дорогая, ты не ведаешь, как я люблю тебя... как я провожу дни без тебя...»

Накануне ему передали: Эсьма собирается выехать на охоту. Он вызвал к себе брадобрю Рзагулу, чтобы привести себя в надлежащий вид. Пока тот делал приготовления, шахзаде, примостившись на сиденье, покрытом бархатным чехлом, следил за хлопотами и, пытаясь скрыть охватившую его радость, шутливо пригрозил цирюльнику:

—Смотри, Рзагулу, поцарапаешь лицо — шею сверну.

Тот осклабился:

—Что ты, свет очей моих! Как я могу, зная, куда ты отправляешься, такое допустить?! Клянусь, если оплошаю — сам себя бритвой чиркну! Я—то знаю, куда господин мой собрался... — хихикнул брадобрей.

—Да ну?

—Эх, шахзаде... В этом доме от брадобрея ничего не укроется. Луноликая, ангелоподобная ждет—не дождется тебя...

—Цыц! Держи язык за зубами!

—Слушаюсь!

Наутро чуть свет порученец на цыпочках вошел в покои шахзаде. Крадучись, чтобы никого из прислуги не разбудить, приблизился к ложу шахзаде и шепотом позвал:

—Шахзаде!.. Пора!..

Гамза Мирза сразу открыл глаза, вроде, и не спал.

... Он выехал верхом, вдыхая рассветную свежесть и горяча норовистого коня. Шахзаде не подозревал, что за ним, на почтительном расстоянии, устремился верный явер¹, несмотря на запрет. Оба они хорошо знали угоды, где охотилась дочь румлинского эмира.

Шахзаде повел коня шагом, осматривая округу и напевая газель Физули:

*Столь прекрасен стан
любимой, стройной, будто кипарис.
Кто увидит — восхитится
оперением ресниц.*

Вокруг ни души. Но сердце шахзаде переполняла такая упоительная радость, что весь мир, предстающий взору, одушевлялся незримым образом любимой; нежно рдеющая полоска зари напоминала ее щеки, рассеивающаяся мгла — ее волосы, и в щебете проснувшийся птиц чудился певучий струющийся голос...

Звуки пробуждающейся степи лились чарующей песней. Эта мелодия пробуждения природы, это дуновение утреннего ветра ласкает и слух любимой, — думал он. Ветер, степь, горы, солнце и звезды — сообщники нашей любви.

*Видя лик ее, всевышний солнца не сведет с луной,
Раздробив на золотинки, пыль развеет над землей...¹*

Степь дышала жизнью, сладостно-томительным предчувствием.

Вдруг вдаль он увидел всадницу, направляющуюся в горы. В ослепительных лугах восходящего солнца она казалась видением. Гамза Мирза узнал бы ее не только залитую сиянием зари, но даже в зыбком мерцании звезды. Угадал бы сердцем... Эсьма!.. Немилая его матери, но обожаемая им. И причем тут Эсьма, в незапамятные

¹ Явер — порученец; адъютант

¹ Из газели Физули

времена отравившая имама! Причем ее происхождение, ее род и племя, бессмысленная вражда таригатов! «Забудь ее...» — твердила мать. За сына ответил поэт:

*Будь волен разум,
что бы стоило любовь
отринуть?
Отринув разом,
вольным взором мир
окинуть?..*

Вдруг у него захолонуло сердце: он заметил всадника, едущего позади и направлявшегося в сторону Эсьмы. Сперва он принял «преследователя» за явера, без спросу взявшегося сопровождать его. Но нет! Этот конник был другим человеком. Явер не стал бы обнаруживать себя, предпочел бы держаться подальше, незаметно, чтобы не чинить помех...

А этот всадник ехал безо всякой опаски, никого и ничего не остерегаясь, держался в седле как человек, уверенный в себе и знающий цель.

В душу шахзаде закралось ревнивое подозрение. Не ведет ли она двойную игру, обольщая его и обнадеживая другого... своего соплеменника? Но он отбросил эту унижительную, жалиющую мысль. Такого не может быть. Впрочем... почему же нет? Или она, предпочтя ему другого, боится признаться в этом?... Дьявол пытался посеять смуту в его душу. Перед его взором всплыло ее излучающее нежность и ласку лицо, и почудился дрожащий от обиды голос: «Как ты мог? Усомниться во мне? Заподозрить?» «Нет, любимая, нет». Но кто же этот неожиданный негаданный человек? Может, разлучник, наёмный слуга, решивший помешать нашей встрече? Кто подослал его?

Всадник догнал Эсьму. Что-то сказал ей. Шахзаде увидел, как она замахнулась плёткой. Она явно рассердилась.

Раздумывать было некогда. Шахзаде стегнул коня, поскакал вперед... И... очутился возле всадника на расстоянии вытянутой руки. Он еще на скаку успел выхватить кинжал.

—Кто он, Эсьма?

—Незнакомый мне подлец...

—Молчи! — зарычал незнакомец. — Шахзаде можно, а нам — нет?..

Кинжал Гамза Мирзы, взметнувшийся раньше плетки, вонзился в плечо незнакомцу, и тот, припав к гриве коня, поспешил ретироваться, еще, наверно, боль не проняла его.

Шахзаде спешил; Эсьма упала в его простертые объятия. На миг они забыли о злокозненном человеке, короткой стычке. Ее глаза пылали. Он был опьянен этим неожиданным объятием как даром судьбы, и пение птиц, запах травы, сияние взошедшего солнца — все слилось в упоительный восторг. Он не мог произнести ни слова, завороченно глядя в распахнутые, пламенеющие глаза...

*О, диво! Я немею, узрев твои черты,
Застыв на месте, млею при виде красоты...*

Не шахзаде произносил эти слова, — за него сказал их Физули.

Эсьма трепетала в объятиях его.

Она была не робкого десятка, а сейчас ее била дрожь... От недавно пережитого возмущения, гнева ли? От жаркой истомы и прикосновения любимых рук ли?

Шахзаде было не до этих рассуждений. Он подоспел вовремя и избавил ее от оскорбительного посягательства. Быть может, от кровавой развязки...

Но он не чувствовал себя совершившим нечто геройское. Просто он рвался на встречу с любимой и убрал с дороги, отшвырнул прочь досадное препятствие... И вот трепетный ангел в его объятиях, приложив головку к его груди, улыбается.

—Как тебя напутствовали утром?

—Сказали: да будет охота «с кровью».

—Так оно и вышло...

—И мне охота удалась. Но не ловец нашел на «зверя», а наоборот...

—Ты знал, что встретишь меня?

—Догадывался...

—Нет, правда?

—Земля слухами полнится...

Ведя под уздцы коней, они шли по весенней степи, беспечно воркуя, радуясь друг другу, солнцу, простору, жизни, не думая ни о чем, не строя планов на будущее... Они жили сегодняшним часом, вот этим мгновением. И были счастливы им. Кто знает, быть может, это мгновение стоило целого века, вечности?

Они окунулись в чарующую, упоительную, магическую стихию любви, нежились в ее волнах, забыв обо всем на свете, даже о предостережениях и неприятии шахбану. Они слились с вечностью по имени Любовь...

Молитва звезд

Шли битвы за Ширван. До шахзаде донеслись вести, что в походных порядках румлинцев, в рядах воинов видели и Эсьму.

Гамза Мирза, в минуты затишья покинув боевой стан, определил местоположение соседнего воинства, где находилась она, и не упускал возможности лицезреть ее, хотя бы издалека. Даже в горячке боев не забывал о ней, ища ее в рядах сражающихся, готовый ринуться на помощь, спасти от смертной угрозы или плена.

У каждой есть свои наперсники и наперсницы в молодости, которым поверяешь самые заветные сердечные тайны. У Эсьмы была Аиша, у шахзаде — его верный явер.

Шахбану никого не посвящала в тайны свои, за исключением разве что осведомителей, доносчиков и доносчиц. Среди таких держало при себе и жаловала угодливую старую вдову. Она оповещала царственную особу о встречах сына с Эсьмой. Шахбану опасалась, как бы Гамза Мирза не вздумал умыкнуть свою избранницу. И тогда ненавистная ей суннитская кровь нарушит чистоту их рода. Не хотела она причащения суннитов к шахской сефевидской династии к роду, освященному именем пророка, имама Али и сеидов. Приходили, однако, сваты к девушке — румлинского рода со всех мест, даже из Мазандарана, — как-никак, из первых красавиц, да и славой их род не был обделен. Находились и такие сваты из шиитов, которые рассчитывали обратить невестин дом в свой таригат и по седьмом колене снискать «саваб», то есть добиться чистокровного шиитского потомства. Обо всем этом шахбану Мехти-Улия была, как говорится, информирована. И не переставала искать будущую угодную ее душе сноху. Подмечала, выбирала, отвергала. Не обходился вниманием даже молодых замужних красавиц. Стоило сыну проникнуться симпатией к таковой, ну, хотя бы заикнуться, шахбану была способна оторвать молодницу от законного мужа и привести невесткой в свой дом. Даже зная, что сын ни за что не опустится до такого непотребства и вероломства, она продолжала втайне тешиться мыслью и о таком «повороте событий...»

А у шахзаде с уст не сходило: «румлинская красавица, ясноглазая моя...»

... Поздним вечером, после трудной и тягостной беседы, сын покидал походный шатер шахбану. Мать с видом искушенного полководца посвящала шахзаде в премудрости военного противостояния и свои суждения о том, как одолеть врага. Гамза Мирзу несколько утомили пространные разъяснения. У походного стана румлинцев его ждала Эсьма. Но он не смел прервать разговор с матерью. Наконец, вызвав подходящую паузу, он поднялся. Поцеловав ей руку, сказал:

—Позволь мне откланяться.

—Куда ты так спешишь, сын мой? Пока вроде рано тебе ложиться спать.

—... Мне и не до сна. Хочу обойти расположение наших воинов.

—Будь осторожен. Неровен час, напорешься на вражьи лазутчиков...

—Не тревожься, мать, — улыбнулся он. — Я с ночью знаком накоротке...

—Да хранит тебя Аллах.

—Спокойной ночи.

—Ступай с миром.

Выйдя из шатра, он урывками вспоминал долгую беседу, «военные» рассуждения матери. «Отец, отец... Здесь твое место, здесь... Ну что тут поделаешь?.. Ладно еще, слаб глазами, он и крови не выносит... а как обойдешься на войне — без крови?..»

Перед ним выросла фигура Эсьмы, облаченной в доспехи.

Сразу все вылетело из головы — и наставления матери, и премудрости стратегии, и досада на набожного отца...

В ответе походных костров мерцали ее глаза. Гибкая рука, покоившаяся на эфесе меча, протянулась к ее руке.

Когда же он успел дойти до лагеря румлинцев?!

Читатель уже знает о любви шахзаде к поэзии великих устатов. Бейты из Насими, Физули, строфы Хатаи — его прямого предка — часто приходили ему на память — при свидании с любимой, в томительные дни ожидания, в минуты расставаний. Поэты скрашивали его одинокие ночи: при свете свечи он подолгу читал диваны устатов, певцов любви, шептал и повторял строки, как молитвы.

Что касается стихов Имадеддина Насими, казненного в Халебе, их приходилось читать в тайне. В среде правоверных многие считали ширванского поэта—хуруфита «еретиком», иные шииты говорили, что он похуже суннитов, что он посягнул на устои ислама и дерзнул провозгласить «ан-аль-хагт», то есть равнять себя со Всевышним...

Как он добрался до лагеря румлинцев — путь изрядный, ночь, враг неподалеку, — не помнил.

—Ты ли предо мной, душа,

или все приснилось мне?

Она отозвалась:

—Или, снизойдя с небес,
вдруг луна явилась мне...¹
—Аферин!..² Давно ждешь меня?
—Вечность...
Руки сплелись с руками.
—Прости... Я не мог придти раньше... С матерью разговор затянулся...
—Я так и поняла. Только мать могла задержать тебя.
—Она говорила о предстоящей битве. Со знанием дела... Куда уж моим воителям до нее.
—И в наших краях молва о ее ратной доблести ходит.
«Кабы и матери моей так хорошо думать о ваших...»
Он ощущал ее близкое теплое дыхание.
Они прошли по склону, залитому бледным светом луны, не ощущая колдобин и рытвин.
Они не писали стихов, но сейчас их состояние было похоже на вдохновение, и прекрасные устады поэзии, договаривали то, чего они сами не могли выразить словами.

*О, свет моих очей,
С тобою встречи жажду.
Кумир души моей,
С тобою встречи жажду!* — шептали ее уста строки Насими. Природная девичья застенчивость не позволила бы ей открыто признаться в этой душевной жажде...
И шахзаде испытывал благоговение перед целомудренной девственной чистотой, призывая на помощь златоустов поэзии.

*—О, лунный лик, о тонкий стан,
О, неземная красота,
О, нежно-алые уста!
С тобою встречи жажду!..*

Услышь такие речи из уст сына, своенравная шахбану не преминула бы выговорить и пожурить его: мол, что ты нашел в этой суннитской смуглянке—замухрышке, какие-такие «неземные» прелести тебе вскружили голову?.. Куда ей до «лунного лика» и прочего?..

Они разговаривали стихами.
—Это чьи слова?
—Шаха Исмаила, прадеда моего.
—Наверно, он и сам был ашиг...
—Еще какой! Говорят, обожал Таджлы-ханум, прабабушку мою...
—И Таджлы-ханум, наверно, была подстать доблестному мужу...
—Да. Всегда следовала за ним — и в походы, и на битвы. Таковы тюркские женщины. Всегда с мужьями—воинами, в обозе, в седле. Случилось, и детей рожали в походных шатрах...
—Бедные!
—Святые!..
—Объясни мне, почему «Хатаи»? Откуда это имя, ты не знаешь?
—Говорят, что он выбрал этот тахаллус¹, памятуя об ошибках молодости...

*Не видел я сокровищ в мире,
неповторимых столь, как ты,
Не видел среди всех красавиц
столь совершенной красоты.*

Она произнесла следующий бейт.
—А ты откуда это знаешь?
—Кто же не знает Хатаи? Твоего и нашего предка.
Они шли рука в руке.
Вдруг на пути их выросла скалистая глыба, то ли принесенная селем, то ли скинутая землетрясением.
Присели на этот валун рядышком. Казалось, этот камень выкатили сюда чьи-то добрые руки — для передышки влюбленной пары.

¹ Строки из газели Шаха Исмаила Хатаи

² Выражение хвалы

¹ Тахаллус — псевдоним

Они не рассуждали о будущем — смогут ли соединить судьбы, согласится ли неуступчивая и крутая шахбану на их союз. Никого и ничего не существовало в мире, кроме них самих, сидящих рядом под мерцающим звездным небом.

Они хмелели от счастья единения душ. И пили из пиалы любви. Что еще нужно ашигам!

Сколько времени прошло, они не помнили. Гамза Мирза очнулся только тогда, когда увидел в небе над головой изумрудное мерцание утренней звезды; припозднившаяся луна струила слабый серебристый свет.

Скоро рассвет.

Боже!

Ведь румлинцы хватятся ее, кинутся искать; и — конец их тайне. То-то шум поднимется. Шахбану, конечно, уцепится за предлог, чтобы с позором изгнать Эсму из рядов воинства... Более того, задаст жару румлинским эмирам, военачальникам: «Вот каким начинаю вы вздумали втереться в доверие к шахиншаху? Облечили красотку в доспехи и с ее помощью решили проторить дорожку ко дворцу... Покиньте войско, суннитское отродье!.. Пусть покарает вас меч Али!..»

Да уж, шахбану выдала бы им такое, что мало не показалось бы. Конечно, случись такое, посрамленные и оскорбленные эмиры, ушли бы, тем самым ослабив гызылбашские полки. Не приведи Аллах, могли бы и переметнуться в стан врагов— суннитов. Ведь и такое бывало.

Шахзаде воочию представил ужас такого поворота событий.

Увлеч любимую за руку, поднял с места.

—Скоро заря. Пойдем. Не хочется мне расставаться, но...

В рedeющей мгле он проводил ее до походного шатра, настороженно осматриваясь. Никто не заметил их, и он был рад этому. Окрыленный, направился в обратный путь. Вдруг он услышал шорох за спиной, и непроизвольно взялся за рукоятку кинжала. Но услышал рядом шепот явера:

—Это я, мой шахзаде...

—Ты... не спишь? — изумился он. — Что ты тут делаешь?

—Я с вечера беспокоюсь за вас... Как вы вышли из шатра шахбану... Я увидел, куда вы держите путь... и... словом...

—Значит, с тех пор и следишь за мной?

—Но вышли в одиночку... в сторону Гамза Мирза... ненадежного племени...

—Кто тебе позволил? Кто надоумил?

—Никто, шахзаде... Я сам... Это же мой долг... Всегда беречь... охранять вас... Простите великодушно. Я не мог бы просить вашего соизволения. Ведь вы бы не разрешили. Вот я и предпочел... Простите...

Шахзаде больше не стал распекать верного и отважного стража, избавив того от униженного покаяния.

—Ладно, забудем об этом.

Они добрались до шатра шахзаде.

—Спокойной ночи.

—Скорее доброе утро, мой шахзаде.

В эту ночь Мехти-Улие снились кошмары. Сны матери, тревожащейся за сына.

Спросонья бормотала: «Отвадить бы от него эту суннитскую молодуху — горя не знала бы. Она, будь неладна, говорят, смазливая. Еще и воином сделалась, сюда, с соплеменниками приперлась... Аллах, упаси сына моего от бед-напастей!..»

Читатель мой, присоединимся к ее молитвам. Ибо мы знаем участь Гамзы. Скажем: да услышит небо твои молитвы, мать. Аминь!

Битва за Ширван

Уже два дня, как шли кровопролитные бои. С наступлением вечера обе стороны отходили на свои рубежи, совершали омовение и творили вечернюю молитву. Затем, отправлялись на поле брани, подбирали тела павших воинов и, несмотря на близость реки Ахсу, хоронили их как шехидов — в одеждах, без савана и отпевания, во рву, как мы сказали бы, в братской могиле. Смывали с рук запекущуюся кровь, приставшую пыль в холодных речных струях. Погода благоприятствовала воинам — еще не зарядили проливные дожди, несмотря на позднюю осень, и пойма реки, выбегавшей с гор на просторную равнину, оставалась сухой. В садах селения Моллагасанли, в наши дни называемого Пиргасанли, пылали красными огнями созревшие гранаты, носившие имя своей родины: «пиргасан».

Воины срывали плоды и вкушали густокрасные, сочные, кисло-сладкие зерна, превосходившие по вкусу знаменитый геокчайский гранат.

Сельчане подались в горы. Взрослые мужчины присоединились к воинству шаха Худабенда. Часть из них, по преимуществу лезгины, были на стороне других дагестанских племен. По существу, не эта битва решала участь противоборства.

Главное сражение шло в степи под Шемахой, неподалеку от села Баят. Здесь, где находились шатры шахбану и шахзаде, по распоряжению Мирза Салмана, были

усиленные дозоры и стража. Двое из татарских аскеров попали в плен. Выяснилось, что это — гонцы, посланные сыновьями крымского хана Гирея — Адилем и Саадатом — к Осману-паше, окопавшемуся в Шемахинской крепости.

Шел допрос, который вел один из гызылбашских полководцев эмир Гулу-бей. Шахбану и шахзаде, восседавшие в красном углу шатра, наблюдали за допросом; шахбану, облачению в боевую одежду гызылбашских эмиров и убравшую черные косички под шлем, можно было принять за молодого воина.

— Почему вы, переодевшись, затесались в наши боевые порядки?

— Мы должны были доставить правителю Шемахи Осман-паше тугру¹...

— От кого?

— От шахзаде Гирея.

Гонцы после разоблачения и поимки были крепко поколочены гызылбашами. Их лица были в кровоподтеках, они еле шевелили опухшими губами.

— Что вы должны были сообщить?

Пленные замялись.

— Мало, значит, лупили вас. Что в рот воды набрали?

Шахбану пригрозила.

— Что ж... не ответят — выведите их и привяжите к хвосту необъезженной лошади. Стегните плеткой по кругу — и дело с концом...

— Мы... видите ли... десяти тысячная конница Гирея на днях подоспеет на помощь паше...

Пленных увели. Шахбану держала совет с полководцами и визирем Мирзой Салманом.

— Что скажете, эмиры?

Эмирам было не по душе, что верховное командование вершит не шах, а его благоверная супруга. Но им приходилось смириться.

— Мне думается, нам надо переменить местоположение и двинуться в низину, навстречу силам Адиля Гирея и османцев.

— А Шемаха?

— Там Осман-паша крепко засел. Если главные силы бросим на осаду, начнем его выковыривать из крепости, этим воспользуются гиреевы полчища и опустошат Ширван. Мы не забыли еще, что произошло с Арас-ханом...

Незаметно до этих событий Арас-хан с игитами героически сражавшийся против превосходящих сил врага, попал в плен и пал на плахе; казнили и большинство его соратников. Только горстка воинов смогла спастись.

— Да упокоит Аллах душу его...

— Мой совет — снять осаду и идти наперерез подкреплению.

Эмиры не хотели, чтобы шахбану с сыном непосредственно участвовали в боевых столкновениях. Берегли шахзаде, престолонаследника. Но, чтобы оградить шахзаде от досужих подозрений в малодушии, дескать, «улизнул с поля брани, спрятавшись за спиной матери», один из эмиров, больше движимый заботой о безопасности шахзаде, решил обратиться к матери:

— Война — не женское дело, Мехти-Улия!

В глазах у шахбану сверкнули гневные искры.

— Кто тебе вбил это в голову? Где тебе знать, на что способна хатун?

— Я из добрых побуждений...

— Я с тобой, вроде, не клала голову на одну подушку!

— Помилуй, Аллах!

— Упаси...

— Непристойная шутка!

— Какие тут шутки? Кто во что горазд — решится на поле брани!

Никто из эмиров не ждал такой грубой реакции от шахбану. И сын в том числе. Хотя и знали ее крутой нрав. Потому, обычно, все при ней старались держаться как можно осмотрительнее, чтобы не нарваться на колкости.

Но что тут попишешь — воинственная Хейраниса-бейим, супруга кроткого шаха, (должно бы наоборот!) — являлась неприкосновенной особой и не терпела возражений.

В конце концов решили — оставив часть сил для осады Шемахи во главе с именитым гызылбашским полководцем Вели Халифой из шамлинского племени, двинуться в сторону села Молла-Гасанли, навстречу гиреевским войскам, спешившим на помощь к Осман-паше. Шахбану с сыном, невзирая на уговоры, направилась с основными силами армии.

... Сидя в походном шатре, шахбану погрузилась в думы. Она знала, что гызылбашских полководцев тяготит и задевает за живое подчинение «слабому полу» в ее лице. Знала, что честолюбивые эмиры ряда племен и общин питают к ней лютую ненависть, и для них повиновение приказам женщины пуше неволи. Шахбану не так-

¹ Тугра — герб, геральдический знак; здесь — сообщение, подкрепленное печатью хана

то просто было их укротить. Попадись она в руки ненавистников, таких, как Мохаммед-хан Устаджлу, Мохрдар Шахрур-хан, Имамгулу-хан Гаджар и иже с ними, — пощады не ждаться было. Удалили бы запросто.

Потому за каждым из недругов следил «глаз» — соглядатаи.

Лазутчики накануне донесли, — гиреевские и османские полки, окопавшиеся в полуверсте, собираются на заре внезапно перейти в наступление.

Она надела шлем, поверх кофты — облачилась в кольчугу, сплетенную сообразно ее стати, пристегнула латы, впикнула края бархатных шаровар в голенища сапогов. Затем прикрыла руки от плеч до локтей — пластинами-«базубендами», а от локтей до запястий — стальными манжетами-голчагами». Откинула покрывало — «нигаб» — от лица и хлопнула в ладоши. Тут же из-за шторы просунулась голова стражника Мехди.

—Что изволите... моя... — он чуть было не сказал «бейим» и спохватился. — Мой ха... мой шах.

Ее рассмешила эта льстивая оговорка.

Но, пряча улыбку, повелительно сказала:

—Призови ко мне мохрдара!

—Слушаюсь!

—Погоди...

—Простите.

—Оповести тихонько всех эмиров — пусть без шума, соберутся у меня. Если дрыхнут — разбуди. А хмельных — приведи в чувство.

—Повинуюсь... мой шах...

—Не медли. Запомни: без шума!

—Понял. Можно идти?

—Если хоть кто-то пикнет, — головой ответишь. Ступай.

Стражник стрелой вылетел из шатра.

Но тут же убавил прыть, пошел по-кошачьи тихо, напряжившись и скукожившись.

Шахбану, довершая свои приготовления, вспомнила давний случай. Тогда тоже был поход, и в шатер к ней вошел невесть откуда взявшийся старый простолоудин. Она от неожиданности растерялась, даже не предложив старику сесть, гадала: может, явился с просьбой помиловать кого-то.

—Что тебе угодно, старик?

—Хочу поговорить с шахбану Хейраниса-бейим...

—О чем же?

—О твоём народе, ханум! Твой гордый город, твоё отечество — тюркская страна. Великий Шах Исмаил возвысил тюркский язык на высоту державного. Теперь вы начали чураться им... изгонять из двorca... Ныне места тюркских знатных людей занимают инородцы...

—И что с того? Если они служат верой и правдой трону?..

—Кто сейчас бьётся на поле брани, кто проливает свою праведную кровь? Взгляни на мир. Ты ведь мать, Мехти-Улия! Взгляни — те алые пятна в степи — не мака, а кровь наших молодых сынов. Те, кто сражается за нас и те, кто идет против нас — тюркского рода — назови их татарами или кем еще. Османцы, пусть и привержены иному таригату — собрать я наши... Великая Порта — не чужая нам страна. Все они — и крымчаки, и османцы — тюркских корней, как и мы. Единая кровь, единый язык... Великие державы мира столкнули нас друг с другом... народ с народом, племя с племенем... И брат восстал на брата... Устаджлы враждует с шамлинцами, — те с текели, текели с баятом, афшар с тюркманом... Но ведь все они — к хребет гызылбашей, плоть от плоти, кровь от крови нашей... Гызылбашские эмиры и молодежь, идущая на смерть под их стягами — цвет нашего рода. Ты мать, ты подарила нам четырех шахзаде... И первый из них Гамза Мирза, чьей доблести хватит на целую дружину. И сыны твои на поле брани... Одумайся, шахбану... Останови братоубийство!..

Она слушала старика с ледяным лицом. «Гызылбаши, гызылбаши... да, мой муж и сыновья мои из этой породы... Но как я могу прикипеть сердцем к ним? Они запятнали свои руки кровью отца моего... и я отомстила им... Но еще не сполна... Пусть грызутся друг с другом. Тогда легче с ними управиться... Меньше станет рвущихся к трону... Пусть перебьют друг друга — эти племена (чуть было не написала: «партии», любезный читатель мой...). Тогда и сынам моим легче будет удержать бразды правления...»

Аксакал — Эрен Баба — с горечью думал: «Сколько холодной злобы... жадности мщения! Каюсь... когда я радел о восшествии на престол твоего благочестивого мужа, не думал, что так все обернется... Грех взял на душу... Каюсь... Страной правит не шах, а ты... Войны ведут не шах, не шахзаде, не эмиры гызылбашей, а ты...»

Шахбану нарушила молчание неожиданной откровенностью:

—Отец мой, в речах твоих есть доля истины... Но пусть эти племена натешатся грызней, распрей, изведут себя. Тогда, может, водворится мир в стране, и люди

займутся молитвами. Пусть эти тюркские, как ты говоришь, «собратья», ополчившиеся на нас, османцы, татары и все прочие посягатели убедятся в нашей силе... Те, кто бросил в беде великого шаха Исмаила... Может, в этом залог самостояния державы...

Она помнит, как изменился старик в лице, как сухо промолвил: «Мы говорим на разных языках». И, сдержанно поклонившись, покинул шатер...

... Почему ей вспомнился этот разговор сейчас, в напряженный, решающий час, накануне битвы? Может быть, воспоминание о старике — некий знак, предостережение?..

Вскоре явился Мирза Салман. Чуть погода предстали эмиры. Кто одетый наспех, кто полусонный, кто с ословелым от недавнего кутежа взглядом... Никто не ожидал спешных сборов, потому позволили себе расслабиться.

Даже визирь Мирза Салман был застигнут врасплох и пребывал в недоумении.

Мехрдар Шахрух-хан гадал: «Что это стряслось? Или кто-то провинился?»

От внимания матери не ускользнуло, что шахзаде выглядел бледным и сонным.

Но она взяла себя в руки, подавив материнскую жалость.

—Почтенные эмиры! Неприятель подошел к нам и окопался в полуверсте. Лазутчики донесли: на рассвете они собираются внезапно напасть. Вооружены до зубов. Потому и созвала вас.

Эмир-хан Туркман подивился: «Господь, похоже, по ошибке сотворил ее женщиной. Она узнает о неприятеле раньше нас...»

Мирза Салман хлопал глазами: «Какой же лазутчик ей донес, не уведомив меня?»

Сафигулу-хан Баят, Салех-хан Гаджар, Рза-хан Шахсеван — все остальные не могли скрыть растерянности, удивления и невольного одобрения; те, кто скептически воспринимал ее верховенство в военных делах, испытывали смущение.

Шахбану, казалось, читала их мысли, исподволь наблюдая за ними с насмешливым презрением.

—Я предлагаю: упредить неприятеля. Ударить ночью, немедля, восхода, как только покажется звезда карван-гыран... Все будет зависеть от скрытности передвижения и внезапности удара.

По рядам пронесся невнятный гул.

—Дельно...

—Мерхаба¹, Мехти-Улия!..

—Лучше не придумашь...

Шахбану недосуг было выслушивать слова хвалы. Определили направление передвижения.

—Итак, решено. Успех зависит всецело от вашей бдительности и быстроты.

Эмиры покинули шатер.

Шахбану и сын остались с глазу на глаз.

Он подошел к матери, поцеловал ей руку.

—Мать... прости... но отец говорил, что нападать ночью — грех...

—Беру на себя этот грех! Иного не дано. Вражьи силы велики... Борьба предстоит долгая... Я не могу позволить, чтобы вы, молодые, шли попросту на убой. Сражаться надо с умом... Ступай, готовься к битве, не отставай от соратников. Помни о чести! Об имени отца и матери!

Эти слова произносили уста воительницы. А сердце матери исходило болью...

Окрест шатра перешептывались воины, готовившиеся к ночной вылазке.

—Ну и женщина...

—Ты о ком?

—О божьем наказании...

—Ты о шахбану? Она, знаешь, сотню игитов за пояс заткнет... И не таких, как ты.

—Да ну! Мне не по нутру, чтоб бабуня меня воевать учила... Приказы отдавала... Сам знаю, как бить врага. И сил не занимать, и меч в порядке.

—Она не бабуня, а шахбану...

—Да меня соплеменники на смех поднимут. Скажут, для чего ты носишь папаху — чтоб тобой юбка командовала?... — Ретивый вояка, зыркнув по сторонам, понизил голос. — Будь воля моя — шкуру бы содрал...

—А после шахинхах — с тебя...

—Кишка тонка! Ему и самому, видать, обрыдло самоуправство этой фурии.

Собеседников насторожил какой-то шорох.

—Тсс... здесь и земля с ушами... Тебе это может дорого обойтись... Найдется стукач — пойдешь на плаху...

—Черта с два! Столько племен на нее зуб имеют. — И, снова шепотом: — Ты не слышал, что говорят о ней?

—Что именно?

—Она, говорят, ни женщина, ни мужчина. Хи-хи... Двуполая... Мужлатка...

¹ Мехраба (здесь) — выражение похвалы; «браво!»

Сотоварищ хмыкнул:

—Тьфу на тебя! А как же тогда она четверых нарожала?..

Неприятель был начеку — ведь сам готовился к атаке. Так что внезапный ночной бросок — на опережение — не был бы столь уж большой неожиданностью для готового к бою врага.

Была поздняя осень. Молодая луна взошла кстати — для обеих сторон, в непроглядной ночи, как это не раз случалось, сражавшиеся били по ошибке и своих.

Гызылбаши ринулись вперед. Разгорелся бой. Рубка была немилосердная.

Горизонт наливался багровой полосой зари. Взошедшее солнце высветило поле брани, усеянное телами павших, покрытое алыми пятнами еще не остывшей крови... Кровавый цветник...

Шахбану, стоя на холме, давала распоряжения; конные порученцы передавали ее приказы эмирам.

Понеся тяжкие потери, противостоящие стороны отошли на прежние позиции со звуками азана, призывающего на вечернюю молитву.

После намаза принялись собирать и хоронить тела павших до наступления темноты, как велит обычай.

На другой день снова грянул бой. Трудно было предвидеть чья сторона возьмет верх, сколько еще павших в бою предадут земле вот так, без савана и отпевания, сколько еще матерей останутся в слезах, сколько жен овдовеет, сколько невест не дождутся любимых-суженых.

Скрежет, звон мечей и ятаганов, хруст ломающихся пик, крики, стоны, проклятья, грохот выстрелов из мушкетов — нового изобретения смертоубийства; обгаренные кровью, израненные, изувеченные тела, загубленные молодые жизни...

Все встали на защиту ширванской земли; ополченцы, не раздобывшие подходящего оружия, взялись за вилы, дреколье...

Двадцать восьмой день ноября 1578 года... По хиджре — год 986, двадцать восьмой день месяца рамазан...

У поймы реки Ахсу, в широком поле за селом Молла-Гасанли кипела кровавая сеча.

В благодатных садах пламенели спелые плоды гранатовых деревьев. В мирные дни — была бы отрада очам... Но теперь багровые гранаты выглядели знаменем роковой битвы; не соки гранатовых зерен окропили землю, а живая, жаркая человеческая кровь...

Хейраниса-бейим, с обнаженным мечом в руке, с возвышения наблюдала за полем брани, управляла своими боевыми порядками; всматриваясь в дымную бурую пелену, искала взглядом среди бьющихся сына...

Воинство Адиля Гирея понесло изрядные потери. Поредели и ряды гызылбашей.

Шахбану, заглушая материнскую тревогу, всецело была поглощена перипетиями сражения.

Нужно было влить в измотанные войска свежие силы.

Помощь! Подкрепление!

И тут, как дар судьбы, как милость божья, на серпантине дороги, карабкавшейся на перевал, показался отряд гызылбашей во главе с эмиром.

Они, не дожидаясь приказа, рискнули покинуть позиции у стен Шемахи, чтобы поспешить на выручку войскам, выдерживающим тяжесть основного удара.

Подкрепление заметил и хан Гирей с противоположного холма. Во избежание смятения в своих войсках, он крикнул денщику:

—Надо воодушевить наших! Следуй за мной!

И с поднятым ятаганом, поскакал в гущу боя.

—Гирей с нами!

—Слава нашему хану!

—Аллаху-акбар!

Но тут свежие силы гызылбашей под началом Баба-Халифы Гараманлы с фланга окружила крымчаков.

Гараманлы, прорубая себе путь, добрался до их предводителя и ударом пики выбил Адиля Гирея из седла. Гызылбаши окружили неприятеля. Хотели было добить упавшего и раненного Гирея, когда кто-то вскричал:

—Эмир, это же сам Адиль Гирей!

—Как?

—Да. Я знаю его в лицо.

—Оставьте!

По приказу эмира Гирея подняли в седло и повезли к холму, где находилась шахбану.

Увидев пленение Гирея с соратниками, татары дрогнули и стали отступать.

Гызылбаши одержали победу.

Баба-Халифа предстал перед шахбану.

—Хвала тебе, эмир. Ты оказал великую услугу и помог достичь победоносного перелома! За пленение Гирея — благодарю. Но теперь... может ослабнуть кольцо осады у стен Шемахи. Немедленно туда!

—Слушаюсь и повинуюсь! Имею честь служить шахиншаху! Сердцем и мечом!

И вскоре отряд эмира запыллил на ахсуинском перевале.

Войска занялись трофеями...

Шахбану всмотрелась в плененного Адила Гирея.

«Молод... пригож... Такая же участь могла постичь моего сына... Благодарение тебе, Всевышний...»

Пленный, истекая кровью, побелел лицом. Шахбану поймала себя на том, что взгляд ее задержался на прекрасном лице... И это было нечто большее, чем любопытство и жалость к молодому воину... Мысль об этом испугала, ужаснула шахбану. Ее ожег стыд, как если бы она позволила себе нечто грешное и кощунственное.

Она окликнула явера и, стараясь не глядеть на него и на сына, вымолвила:

—Где главный лекарь Мирза Садрадин?

—Врачует со своими людьми раненых...

—Скажи ему — пусть окажут необходимую помощь шахзаде Адилу Гирею. Шахзаде заслуживает подобающего обращения...

—Наш долг — повиноваться, мой эмир.

Явер кинулся за лекарем.

Шахбану, направляясь к шатру, подумала: «для одних я — эмир, для других — «слабый пол»...

Ей стало смешно.

Она могла позволить себе расслабиться: победа!

Приобняв за плечо сына, вошла в шатер.

Слава Аллаху, сын вышел из смертной битвы целый невредимый.

Так думала шахбану.

Но, похоже, именно в те лихие года беды и мытарства, пережитые Ширваном, сказались печальными строками баяты:

*У татар нет доли мне,
Быть рабой в неволе мне,
Коль найдется друг-заступник,
Не поможет, что ли, мне...*

Какая молодая девушка, познавшая унижение плена, выстонала, выплакала эти слова?.

«Сватовство»

Задолго до утреннего чая во дворец по вызову шахбану явилась мешшата¹ и ждала, пока высочайшая особа окончит завтрак, сделает затяжку-другую из украшенного цветочном узором кальяна и соблаговолит пригласить; горничные препроводят ее в покои — «шахиншин». Мешшата, все еще бодро перемешавшая дородное тело на исправных ногах, исходила дворцовые комнаты вдоль и поперек еще до вселения Хейраниса-бейим. Ее часто приглашали оказывать деликатные услуги именитым особам — новоявленным невестам, родственницам шаха, женам эмиров.

Когда придворная «косметичка» вступила в покои, шахбану уже покурила из кальяна.

На подносе, поданным горничной, в фарфоровых, золотых, серебряных чашечках, склянках были необходимые косметические припасы — румяна, пудра, сюрма, хна, басма... Красные шелковые ленты — для перевязки после окрашивания хной. Вся эта премудрость была накрыта тонкой кисеей.

Мешшата вошла склонив голову, опустилась на пол и, ползая на коленях, приблизилась к шахбану, восседавшей на топчане. Взялась за подол ее юбки, отороченной золотым узорчатым шитьём и приложила губами.

—Доброе утро, краса очей моих.

—Утро доброе, мешшата...

Она ни разу не назвала мешшату по имени, и не знала. (Да и мы, читатель мой, не знаем. Ведь кто такая мешшата, чтоб шахбану обременяла свою память ее ничтожным именем, и нам неоткуда узнать...) Между тем, вся придворная свита и челядь должна была знать прозвища, которыми шахбану «нарекла» окружающих — от нукеров до эмиров...

Не приведи Аллах, если шахбану призовет к себе человека, а служанка, не сообразив, кого она имеет в виду, замешкается. Мешшата — это еще понятно, по ремеслу своему и обозначается. Но сели шахбану изволила сказать, положим,

¹ Мешшата — старинная искусница, оказывавшая косметические услуги

«Джуджа», «Хыр-хыр», «Левере», Чалагай»¹ — поди разберись, кого она подразумевает...

Мешшата приступила к делу. Достав нитки (для выщипывания волосков с кожи лица), особым образом перетянула их между пальцами. Шахбану вынула из рта мундштук кальяна и бросила на поднос.

—Сегодня лицо мне ошипывать не надо. От частого ошипывания, говорят, кожа сохнет, морщится. Ты займись бровями, где надо, убавь, где прибавь... А после примешься за румяна и пудру...

Косметичка усекла, что госпожа в хорошем расположении духа и решила поёрничать.

—О, радость моя! Убавить-то я могу, а вот прибавить — откуда мне взять, перейму печали твои...

—Найдешь, ты шустрая... Даром, что такая толстая... Почеси бок, а то сглазить могу...

Шахбану рассмеялась, косметичка подхихикнула и, доставая щипчики для бровей, сказала:

—Сглазь, милая, сглазь, мне только впрок пойдет...

Взяла с подноса фартучек, раскрыла и накинула на плечи шахбану, прикрыв и шею. Вновь чмокнула руку госпожи.

От косметички исходил пряный запах гвоздики и кардамона, которые она предусмотрительно пожевала с утра пораньше.

Приняв сосредоточенный вид, сжав губы, приблизилась к лицу шахбану, кончиками пальцев стала разглаживать ее брови. Затем, ухватив щипчиками, выдернула одну-другую лишнюю волосинку.

—Не больно ли, паду у ног твоих?

—Больно. От щипчиков. С тебя какой же спрос.

—Перейму боль твою.

—Что-то ты распелась. Соловьем заливаешься. Как перед суженым...

—Какой еще суженый! Ты достойна самых ласковых речей, паду я ради тебя вместе с отцом и матерью моей!

—Но твои родители давно на том свете...

—Что с того? Да будут принесены тебе в жертву вся родня моя, весь род и племя мое... весь Иран...

—И за Иран уже ручаешься?..

Болтливая косметичка смутилась. Шахбану перевела разговор:

—Не глади краски густо. Чуть оттени черноту, белизну — и ладно.

—Будет сделано.

Косметичка легонько поддумянила ланиты августейшей особы.

Напоследок, взяв лебяжье перышко, смахнула следы пудры с подбородка и шеи.

Шахбану, занятая своими сокровенными мыслями, не сводила взгляда с зеркала. Она осталась довольна марафетом.

Косметичка и сама залюбовалась итогом своего усердия. «Была хороша — еще краше стала...»

—Все ладно, мешшата. Перейдем к другим делам.

Убрали поднос с пудрой и румянами, подали другой, на котором под расшитым покрывалом стояла шкатулка. Служанка открыла ее — и заискрились самоцветами серьги, перстни, пояса, браслеты... Это — для особо торжественных случаев. Шахбану пользовалась ими со знанием дела и с чувством меры.

... Любовь шахзаде к девушке из «неугодного» рода-племени, «спутавшая карты» шахбану, не давала ей покоя. Надо сказать, что в те далекие времена на Востоке, особенно в высших кругах, многоженство было обычным законным явлением; шахбану хотела видеть первой «главной» невесткой своего сына дочь своего фаворита Мирзы Салмана. С влиятельным визирем у них был давний уговор на этот счет, и ко времени описываемых событий дочь визиря Сухейла уже была помолвлена с шахзаде, вопреки его воле и желанию. Мирза Салман торжествовал, шахбану поуспокоилась. Однако надо было навсегда закрыть двери шахского дома для рода Деде-Будага и его дочери, очаровавшей шахзаде. И жена шаха замыслила безжалостную затею, чтобы унижить претендентов на родство с ее домом, — решила пригласить родичей Эсьмы как сватов (в нашем случае не женихова, а невестина сторона приходила бить челом и испрашивать согласия) и... дать им от ворот поворот...

Мирза Салман влиятельный визирь, особо близкий ко дворцу, тем не менее, знал свое место и не зарывался. Знал он и то, шахбану не любит, когда к ней являются без спросу и приглашения. Это могло иметь плачевные последствия.

Но на сей раз его неожиданный приход имел особую причину.

Кашлянув, он помедлил на пороге, приблизился и пал ниц.

—Достославная малейка!¹

¹ Смысл прозвищ: «птенец», «хи-хи», «.....», «коршун»

—Поднимись, Мирза. Что случилось?

—По вашему повелению я пригласил предводителей племен и общин — из шамлинцев и устаджлинцев. Они придут на час раньше людей Деде-Будага, чтобы ваша милость могли дать им надлежащие указания. Погода явятся «сваты». Вам известно, что шамлинцы и туркмены не в ладах...

—Ладно, — улыбнулась шахбану. — Кого же ты призвал из шамлинцев и устаджлинцев?

—Семерых. Вели-Халифа, Алигулу-хан, Горхмаз-хан, Али-бей... Солтан Гусейн-хан, Мохаммед-хан, Мурад-хан...

—Хорошо. А кто «свататься» придет?

—Как вы изволили пожелать, от них придут пятеро. Отец девушки (при этих словах шахбану и Салман усмехнулись). Деде-Будаг, из близких им — Эмир-хан, Сулейман-хан и Гейдар-Солтан.

—А с нашей стороны?

—Если позволите, пусть с нашей стороны никого не будет...

Брови шахбану, недавно искусно подправленные косметичкой, нахмурились, напоминая скрещенные клинки.

—Почему же, господин визирь? — иронически спросила шахбану, и этот тон всполошил визирия пуще нахмуренных бровей.

—Как-никак, ... мы с вами... я ведь... без пяти минут шесть шахзаде...

Губы шахбану тронула улыбка.

—А-а... Я-то запомнила...

«Так я тебе и поверил...» — подумал визирь.

Она продолжала:

—Оповести срочно градоначальника Мовлану Газвини, — мол, здесь у нас никаких таких переговоров о примирении не будет.

—Но он пожаловал сюда сам...

Шахбану повеселела.

—Да? Ну так пусть они сойдутся и сцепятся... Песий клык да хрюшкин бок... Гальку с речки в дичь без осечки... — Рассмеявшись, добавила: — Между нами говоря, я хоть и не жую тюрк, а пословицы у них хлесткие. А?.. Верно говорю? Пока ишачонок отца не увидит, возомнит себя ханским сыном... Зарвались они... Будь шамлинцы, будь устаджлинцы, туркмены или текели... Ни к одному из тюркских эмиров не лежит душа моя... У всех, кажется, одно на уме — дорваться до власти, до казны... Так ведь оно и есть. Друг другу глотку грызут. Стоит кому-то на шаг обогнать другого — рвут и мечут. Этот грешит на того, тот — на этого. Поди, разберись, кто прав. По сути, никто.

Последние фразы шахбану произнесла про себя. Ее откровенность с Мирзой Салманом тоже имела свои пределы.

Мирза Салман же думал: «Вроде сама не тюркских кровей... Вот и ладно... Нам, фарсам, Аллах ниспослал тебя такую...»

—Мирза, как говорится, байки телку выдадут волку... Пора. Ступай встречать-привечать гостей.

Мирза Салман встал, поклонился и направляясь к дверям, осторожно спросил:

—Простите... А будет ли участвовать в разговоре сам шахиншах?

Брови-клинки скрестились.

—Что за вопрос, визирь? Как может шахиншах не участвовать в разговоре со сватами? Последнее слово - за ним.

«Пронеси, Аллах!» — подумал визирь и поспешил ретироваться.

Прием был пышный.

В тронный зал, возле престола было поставлено сиденье, зачехленное атласом с золотым шитьем. Пониже на ковре были разложены обшитые бархатом подушечки для визирей и советников. По левую руку от шаха уселись шамлинцы и устаджлинцы, по правую — приготовили места для туркман. Вскоре явились и они во главе с Деде-Будагом. Все гости сидели на коленях.

Представители обеих племен (чуть было не написала «партий», прости, читатель!), сражавшиеся в битвах под единым стягом, но закосневшие в междоусобной ревности и гордыне, всматриваясь в друг друга, не понимали толком причину столь неожиданного приглашения к венценосцу в столь несовместимом сообществе и составе.

Занавеска перед резной дверью была раздвинута слугами, и явился шахиншах Мохаммед Худабенда в торжественном облачении. Гости встали с мест и изъявили почтение в меру своего усердия и положения — кто опустил ниц и приложил уста к стопам шаха, кто, положив руку на сердце, поклонился в пояс.

Следом показалась шахбану, прикрывшая лицо тонким шелковым нигабом. Медленно прошествовав за шахом, дождалась, пока он займет место на престоле и лишь затем опустилась на сиденье, обшитое атласом.

Обвела взором гостей, все еще застывших в поклоне. Что-то шепнула шаху и тот, щуря подслеповатые глаза, сказал:

— Садитесь, господа, садитесь! Честь вам и место!

«Вот это он сказал напрасно... Но такой уж он церемонный... обходительный... А с этими людьми нечего цацкаться. Я ж ему после вечернего намаза растолковала, зачем я созвала этих людей... Пусть здесь они сшибутся лбами... раскроются во всей красе...»

Меджлис безмолвствовал.

Шах обратил взоры к Мирзе Салману, который все еще стоял на ногах.

— Мирза, вели подать эмирам чай, а кто пожелает — кофе и кальян.

Повеление исполнили. Подали и сладости. «Про сладости-то я забыла сказать, — подумала шахбану. — Хотя какие там сладости получают¹... Впрочем, пусть тешатся надеждой. Сладость отравой тебе обернется, Деде-Будаг... Уйдешь не солоно хлебавши! Еще и освистают вас... — мстительно радовалась шахбану. — Вам, видите ли, не по нутру пришлось, что я казнила Мурад-хана — убийцу отца моего... Как, повашему, я должна была поступить? Смириться? Простить? Кровь отчую, безвинно пролитою? Не-ет... Во веки веков... Гнев не остынет в сердце моем. Глаза бы вас не видели! А теперь вздумали подластиться, подмазаться, дочерью своей ублажить сына моего и набиться в родственнички шаху?... Не-ет! Не-ет! Весь век буду мстить за отца. И вы, и шамлинцы — одного поля ягоды. И их видеть не могу. Так грызитесь, передеритесь, сукины сыны! Избавьте нас от себя!..»

Она снова что-то подсказала шаху, которому Аллах взамен ушербного зрения дал отменный слух.

— Господа любезные! Я пригласил вас сюда по поводу воспитания благонравия и благочестия у детей наших... В особенности это касается девушек. До меня доходят разговоры, что иные из наших девиц не проявляют послушания родительским наказам... Более того, встречаясь с молодыми людьми под предлогом охоты или прогулки на природе, таковые подают дурной пример неискушенным сверстницам...

Некоторые из присутствующих знали понаслышке об ашурной истории шахзаде и дочери туркманского эмира. Они поняли, в чей огород камушек. Несведущие всполошились: «Упаси, Аллах. Что-то стряслось?» Шамлинцы и устаджлинцы, заранее посвященные визирем в подоплеку собрания, злорадствовали: «Поделом тебе, туркманская собака...»

У бедного Деде-Будага сердце захолонуло...

Шах продолжал:

— Разумеется, не пристало девушке без позволения родителей выезжать на охоту, красоваться на миру, на пиру, а уж тем паче совершать поступки, роняющие ее честь... пытаться вскружить голову молодому человеку, чья родословная известна всей стране...

Шах говорил как по писанному...

Намек был довольно прозрачный. Стрела метила в Деде-Будага. Это стало ясно всем, в том числе и именитым туркманам, присутствующим здесь. Деде-Будаг побелел лицом.

— С вашего позволения, мой шах...

— Какое еще позволение! — грубо осадил его шахбану. — Неужели неясно? И зачем только ты носишь папаху?

— Как вы можете... — Деде-Будага душила смертная обида.

Шамлинцы и устаджлинцы стали подобострастно подпевать шахбану.

— Не перечь шахской воле!

Сам шах хранил молчание. Он уже был бессилен обуздать разбушевавшиеся страсти.

— Так он еще посмел к шаху явиться...

— И не один, а с целой оравой...

У тех и других руки потянулись к кинжалам.

— Бесстыжие...

— Они-то и подзавили девушку...

— Может, и без колдуньи не обошлось.

— Разве можно давать такую волю собственной дочери!

— Не управляют...

— Не хотят...

— Выгода есть, потому...

— Ну да, стать тестем шахзаде — недурно.

— Ничего себе затея...

¹ По традиции, поданный сватам на стол сладкий чай означает согласие принимающей стороны

Почтенный туркманский эмир, известный своей доблестью и отвагой — Мохаммед-хан поднялся с места без разрешения:

—Мой шах! Прошу вас пресечь эту хулу! Вам хорошо известно, что ни Деде-Будаг, ни мы не заслуживаем этой непотребной брани и не опустимся до той низости, в коем нас здесь подозревают! Все это позорище подстроено шамлинцами, чтобы уронить нас в твоих глазах...

—Честь по заслугам! — язвительно заметила шахбану.

—Малейка!..

Шахбану не унималась:

—Это же ни в какие ворота не лезет! Нам говорят: туркмены пришли сватать шахзаде... Где это видано — присылать сватов в дом жениха?! Приструните вашу красну девицу! Остальное — не ваша забота. Не пристало мужчинам таким способом добиваться милостей... Шахиншах устал. Довольно.

Шах почувствовал облегчение — его тяготила эта безобразная перебранка. Он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

—Не смею вас задерживать, господа.

Люди Деде-Будага ушли первыми, вымученно откланявшись. Погодя покинули шахские покои шамлинцы и устаджлинцы.

Шах с шахбану удалился еще раньше, не дождавшись прощальных поклонов.

В зале остался один Мирза Салман. Лукавый царедворец ликовал...

Вдогонку гостям неслись ехидные подначки.

Одна из бойких служанок, высунув голову из каморки, звонко пропела:

Борода-то, борода...

Отворяйте ворота!

Но от самых от ворот

Получили поворот!

Туркмены были так посрамлены, так унижены, что не могли и глаз поднять.

Как еще ноги держали бедного Деде-Будага, как у него сердце не разорвалось...

Они смекнули, кто затеял этот унижительный балаган.

Свита, челядь дивились крутости шахбану.

Она смотрела из-за занавески, слышала улюлюканье и шептала: «Скатертью дорожка!»

Мать

Ужасная весть с быстротой молнии разнеслась по Казвину.

Скорбь, негодование, отчаянье, страх, тревога... всяк переживал трагедию по-своему.

Убийцей был брадобрей Рзагулу. Убитый - шахзаде.

Кто направлял руку убийцы? Кто так люто мог ненавидеть достойного, доброго, благородного шахзаде? Кому мешал нас ледник престола?

Многие надеялись, что, придя к власти, Гамза Мирза собьет спесь с иных зарвавшихся, строптивых эмиров, которым и шах был не указ.

... Убийца был схвачен. Предстояла казнь. Народ стекался на дворцовую площадь, где возвели виселицу. Поодаль соорудили помост, на котором установили трон. Отсюда отец убитого шахзаде — шах Мохаммед и Хейраниса-бейим будут взирать на казнь.

Гамза Мирза был первенцем, старшим из четырех братьев. Ему и полагалось стать наследником престола. Но судьба распорядилась иначе, и этот жребий выпадет другому сыну, Аббасу Мирзе, Шах Аббас Первый, чье имя овеяно легендами...

Злодейство совершилось накануне. Шахзаде, выехавший на охоту, пострелял дичь, затем позабавился игрой «човкан»¹ и сделал привал в близлежащем селе, чтобы помыться в бане и побриться... Во время бритья брадобрей Рзагулу, по велению Амир-хана, исполнил черную роль Азраила...

Убийца был схвачен и пешком приведен в столицу...

... На площадь валом валили простолюдины, торговцы, по закрывавшие лавки, зеваки, ребягня, женщины.

Пока не появилась придворная знать, именитые ханы, аксакалы.

Взрослые сердито прогоняли расшумевшихся детей, иным шалунам доставались и подзатыльники.

На площади уже лились слезы.

Но великая скорбь царила во дворце. В покоях шахбану голосили плакальщицы, служанки, горничные, окружившие ее, царапали себе лицо, били себя в грудь и выли.

Хейраниса-бейим среди этих рыдающих, убивающихся женщин казалась окаменевшей. «Мехти-Улия» — так называл ее муж. — «Святая колыбель». В лоне сей колыбели возвращенный, взлелеянный любимый сын пал от руки убийцы.

Глаза у нее оставались сухими.

¹ Човкан — конное поло

Непосвященный мог поразиться.

Но знающие ее нрав не удивлялись, что шахбану не рвет на себе волосы, не терзает себе лицо, как все тюркские матери, которых постигло горе.

Хейраниса-бейим была наделена Создателем мужским, мужеским характером и твердостью, непримиримая к врагам, не прощающая обид и в мести своей готовая идти до конца.

Враги не должны видеть ее слез. Только когда отомстится кровь сына, когда убийца будет вздернут на виселице... нет... распят... она сможет удалиться к себе, уединиться, и ночью, в постели, почувствовав свербящую боль в сосцах, вскормивших маленького Гамзу, дать волю слезам...

А сейчас, на миру, — нет, упаси Аллах.

Не могла Мехти-Улия заплакать на виду у тех, кто зарился на трон, жаждал власти! Мехти-Улия, взлелеявшая чадо в лоне своем, не дававшая нянькам колыхать колыбельку... Мехти-Улия, с мечом в руках встречавшая неприятелей, нападавших на Ширван, изумлявшая решительностью гызылбашских воителей!

Не заплачет Мехти-Улия!

Скорбь и смута терзали душу кроткого и богобоязненного Мохаммеда, — отца, потерявшего сына, шаха, потерявшего наследника. Он понимал, что это убийство — месть. Мстили не только шахбану, нанеся ей удар в самое сердце. Мстили и ему, шаху... За что? Не ясно ли? Ведь ему не раз давали понять эмиры, предводители соперничающих кланов, — не хотим плясать под дудку твоей самовластной супруги. Тридцать семь вотчин в одном царстве—государстве!.. Часть из них, внешне выказывая послушание перед шахбану, в душе ненавидели ее.

Шаха мучила эта распря. В молитвах он призывал Всевышнего водворить мир среди подданных. Господи, я не в силах примирить и сплотить эти тридцать вотчин... Да, я уступчив, я терпим, предпочитаю миловать, а не казнить... Но ведь и Мехти-Улия не может найти управу ан них... Держава трещит по швам... Вразуми, Господи, неразумных раскольников, братьев, восстающих на братьев...

Но, видимо, честолюбивые устремления «удельных князей» были неистребимы, и даже крутая и скорая на расправу шахбану не могла укротить страсти. Впрочем, она, может, считала, что принцип «разделяй и властвуй» надежнее...

Площадь шумела.

Все толковал случившееся на свой лад. Никто не верил, что убогий брадобрей мог сам решиться на такое душегубство.

Кто-то из появившихся городских сановников пытался утихомирить толпу. Деревья вокруг площади, казалось, «обросли» людьми — ребятня, подростки взобрались на них.

Взоры всех устремились к столбовой дороге — там, за городскими воротами за клубилась пыль.

—Едут! — взвился крик.

Вскоре показался гонец на взмыленном коне.

Соскочив с седла, он передал уздечку слуге и устремился к воротам дворца, где его ждал «эшик-агасы» — министр двора.

Конь был загнан, с губ стекала желтоватая пена вперемешку с кровью...

Дворецкий предостерег слугу:

—Парень, смотри, не вздумай напоить коня — погубишь. Выгуливай, пусть поостынет, мошонку облегчит... А уж после дай воду.

На площади воцарилась тишина. Ворота дворца открылись. Показался шах в пурпурной мантии, справа от него — сын Аббас Мирза, слева — Хейраниса-бейим.

Прошествовав к помосту, заняли свои места — шах на троне, шахзаде и шахбану — на сиденьях, крытых алым бархатом.

И вот на площадь вступили стражники, ведущие связанного по рукам Рзагулу. Толпа взорвалась криками.

—Будь ты проклят!

—Повесить его!

—Душегуб!

Тщедушный, ледащий Рзагулу, избитый по дороге и сейчас доставаемый плевками и тумаками, являл жалкое зрелище.

Капли крови, сочившиеся с всклокоченной бороды, забрызгали изодранную рубашку.

—Пусть признается, кто его подучил!

Преступника привели к пяточку перед тронем и заставили опуститься на колени. Он и без того еле держался на ногах. Пал ниц и на четвереньках подполз к изножию помоста.

И раскрыл рот, из которого торчал окровавленный мясистый обрубок.

Все содрогнулись от увиденного Рзагулу.

Он что-то промычал.

Один из стражников, перехватив взгляд Аббаса Мирзы, вlepил брадобрею затрецину:

—Закрой пасть!

В словах не было нужды: удар сделал все за них.

Толпа ревела. Разъяренные люди были готовы растерзать убийцу.

Шахбану услышала негромкий страдальческий голос мужа:

—Довольно... Вешайте уж...

Шахбану, не помня себя, нисколько не думая о державных уставах, о том, что значит оспаривать волю самодержца, вскричала:

—Нет! Четвертовать! Четвертовать!

Шах подал знак. Принялись за приготовления к казни по новой.

Брадобрей рыдал, но его вопль тонул в диком, неистовом шуме.

Шахбану по движению шаха догадалась, что он намеревается покинуть сцену экзекуции: близилось время полуденного намаза. Она незаметно сжала ему руку. Венценосный супруг понял: надо усидеть до конца. Шахбану наверняка знала, какое племя замешано в убийстве. Уход шахской четы с места казни мог бы привести к непредсказуемым эксцессам.

Четыре битюга, рванувшись в разные стороны разодрали тело обреченного на куски.

Шахская семья отправилась восвояси.

На площади воцарилась гробовая тишина.

Расторгнутое обручение

Только что вышли сороковины со дня гибели шахзаде.

Большинство во дворце все еще носили траур. Все семейные торжества были отложены на год. И чтившие память шахзаде, и те, кто не питал симпатий к шахбану, придерживались обычая.

Далеко от столицы, в имении Деде-Будага шли разговоры о замужестве дочери.

Глава семьи говорил жене:

—Скажи дочери, что я дал слово Садаю Солтану — выдам ее за его сына. А ты займись приготовлениями. С приданым, если чего не хватает, дай знать мне, или моим братьям. Что надо — купим. Позови своих тетушек, насчет постельных вещей...

Аиша удивленно уставилась на мужа.

—Приданое-то у нас давно готово... Ведь недаром отцы говорили: дочь пеленай — приданое справляй. По-моему, всего хватает...

—Я не о том, что по-твоему. Перебери заново, погляди еще раз. Делай, что говорят!

Видно, муж был не в духе. А то не стал с ней говорить в таком тоне. Все же Аиша рискнула заметить:

—Киши¹!... но ведь год еще не вышел...

—Вот еще! Сороковины прошли — и ладно. С какой стати годовщины ждать? Им-то на нас наплевать. Пока Садай Солтан не раздумал, после того позорища, надо спровадить нашу охальницу...

—Грех так говорить. Ты же отец. Что она такого совершила?

—Что? Я ей не отец. Унизила меня перед шахбану. Не только меня — весь наш род, все племя... Чтоб света белого ей не видеть...

Мать не выдержала:

—Ради Аллаха, не кляни ее... Мать клянет — любя, отец — губя...

Аиша зашлась плачем. Да так, что Деде-Будаг не выдержал, вышел вон.

Наплакавшись, облегчив душу, мать поднялась, вытерла слезы, проведя ладонями по лицу. Кликнула служанку. Та и не заметила, что госпожа расстроена.

—Где Эсьма?

—У себя в комнате.

—Чем занимается?

—Читает... Кажется, Коран. Я толком не разбираюсь...

—Балда! Коран не можешь от других книг отличить...

—Простите, ханум. Ваша дочь не позволяет прикасаться к книгам. Говорит, повредишь... Да я лучше ослепну, чем...

—Ладно, не болтай. Позови ее.

—Сию минуту.

Аиша не знала, с чего начать трудный разговор. С тех пор, как погиб шахзаде, у дочери глаза не просыхали. Мать не могла корить, виноватить ее. «Что тут поделаешь? Все тюркские девушки такие... Подумаешь, — охота... Мы ведь и в походы ходили с мужьями, лелеяли—кормили дитя в седле... Сызмала мы приучались

¹ Киши — мужчина; здесь — обращение

ездить верхом... Как все, так и моя... Откуда ж молва худая пошла? Кому наш род не угодил? Эх, на всякий роток не накинешь платок...»

Дочь вошла. Заныло материнское сердце: глаза опухшие, ресницы слипшиеся... щеки поблекшие. «Аллах, помилуй...» Как сообщить ей о воле отца? Мать онемела перед этим извятием скорби.

Дочь подошла, и вдруг, порывисто припав к материнским коленям, дала волю слезам.

Похоже, она знала о решении родителей. Кто-то из служанок, видно, посвятил ее.

Она сердцем чувствовала настроение родителей. Знала, что им пришлось пережить, каково было отцу там, во дворце.

Тогда вернулся сам не свой, сел на коня, умчался куда глаза глядят, чтобы остудить свой гнев, но еще пуще растравил себя. Потом, едва переступив порог, накинулся на дочь, и мать с няней не могли разжать отцовскую руку, таскавшую бедную девушку за волосы... Благо, еще за кинжал не ухватился.

Несколько дней Эсьма пролежала в постели — в синяках и ссадинах.

Отец переживал. Может, и жалел. Но выдерживал характер. Аиша же боялась даже заикнуться о дочери.

— Скажи этой бедолаге, что я коня ее спровадил в табун. Впредь пусть не вздумает садиться в седло. Пусть выкинет из головы всякую мысль об охоте, — говорил отец. — Пока кто-нибудь не станет ее законным господином — пусть не смеет показываться на миру, на пиру.

Однажды он снова начал:

— Скажи ей — не видать ей света белого до гробовой доски!

— Ай киши, побойся Аллаха! — не выдержала Аиша. Ты не Аллах, не Создатель. Всевышний сотворил ее, ему и знать, когда призвать к себе... Винавата ли она, горемычная, что вы эмиры, готовы друг у друга кровь испить... Власти жаждете, власти! А Шахбану воспользовалась предложением, чтобы вас лбами столкнуть. Она же терпеть всех вас не может. Ни шамлинцев, ни устаджлинцев, ни рода гаджаров, ни рода баятцев. Даром что тюрчанка — пригрела инородцев и вершит дела.

Деде-Будаг знал это все не хуже жены. Что против правды скажешь? Был он человек правдивый, да век был несправедливый. (Если читатель слышал про такие времена, мой поклон живших в них).

Мать продолжала:

— Ну, наказал, ну, покарал бедолагу, хватит. Ты ведь отец. Не враг же собственной дочери! Не Азраил!

— Азраила на нее и не хватает...

— Думаешь, тогда все образуется? Будет тишь до гладь до божья благодать? Нет же? Шахбану со свету сживет всех суннитов. То-то шииты разгуляются!..

Деде-Будаг, чувствуя отрезвляющий резон в словах жены, не спорил, отмалчивался и прекращал разговор.

Теперь это долгое мучительное противостояние ожесточившемуся, вероломно униженному мужу, вынужденное согласие с его волей и выбором жениха и, с другой стороны, жалость и сострадание к любимой дочери, тающей на глазах, теряющей свою молодую красу, разрывали материнское сердце.

Мать ласково гладила трясущиеся девичьи плечи, спутавшиеся космы пышных волос. Волшебные, целительные материнские руки!.. Понемногу всхлипы стали затихать.

Дочь повернула голову, покоившуюся у матери на коленях, попыталась улыбнуться:

— Я тебе всю юбку прослезилась...

— Да шут с ней, с юбкой... Было бы у тебя все ладно... хорошо...

— Куда уж лучше... Отец коня отнял у меня, велел сиднем сидеть, ни с кем не знаться... Что зазорного я совершила? Ведь и сама шахбану ездит верхом, и за меч берется, и в походы ходит... Шахиншаха на поле брани и не видать, а она...

— Знаю... То-то и пошли слухи о ее шашнях с молодым Гиреем... Но ты не равняй себя с шахбану. Ты дочь обыкновенного эмира. Тем, кто судачил о шахбану, быстро заткнули рты...

Помолчали... Видя, что дочь чуть успокоилась. Аиша-ханум решила сказать самое главное:

— Доченька... сороковины уже прошли. Пора подумать о своем будущем... Семейно Садаю Солтана ты знаешь... Нам кажется, что сын его был бы...

— Что? Что еще вы надумали? — Дочь взвилась, как ужаленная.

— Ты выслушай... Отец считает...

— А меня вы спросили?..

— Отец дал слово Садаю Солтану, что ...

— Как такое могло вам придти в голову! Пока Гамза был жив — я принадлежала ему! Умру — земля сырая возьмет меня. Не доводите меня, чтоб руки на себя наложила! Как здесь мне ад, так и там — в аду буду. Этого вы хотите?

—Доченька... умоляю... не перечь воле отца... Не согласишься — опять злые языки пустят слух, мол, видно, был порок какой за ней, если уж сватам такого славного рода отказала. Ну, чем плох сын Садея Солтана? Достойны человек из достойной семьи. И тебе у них заживется легче... Избавишься от отцовских упреков, от досужей молвы...

—Упреки, молва! Что ж... Воля ваша... Но знайте — не войду я невестой в их дом. Не войду! Ни в чей дом!..

С этими словами Эсьма покинула комнату.

* * *

... Вечерело. Близилося время намаза. Аиша омыла ноги и, вступила в молельню с упованием на милость Всевышнего к дочери. Тем временем во дворце совершала намаз шахбану. Едва закончила молитву, как вошла служанка:

—Малейка, тебя хочет видеть одна женщина...

—Кто она?

—Не знаю... Она наглухо прикрыла лицо платком.

—А может, это мужчина?.. Недруг?

—Не-ет. Не мужчина. Раз хаджа¹ впустил... Да я и сама прощупала поверх чадры...

—Хаджа, значит впустил?

—Да. Ему поручили какое-то дело от имени благословенного Аббаса Мирзы, паду у ног его... Хаджа перепоручил гостью мне и ушел...

—Ну, женщина женщиной... а может, при оружии?

—Что ты госпожа! Говорю же: проверила.

—Что же угодно ей?

—Не сказала... Все плачет и плачет...

—Ладно. Впусти. И не отлучайся. Можешь понадобиться.

«Слукавила служанка, — подумала шахбану. — Знает пришелицу. Судя по излишнему усердию».

Занавеска откинулась.

Ей предстала женщина в черной чадре, с лицом, прикрытым черным платком— рубендом; сквозь покров угадывалась ладная стройная фигура.

—Кто ты, что тебе угодно? Не дадите и помолиться, — недовольно проговорила шахбану. — Если милостыню просишь — могла бы обратиться к служителю гарема.

Незнакомка опустилась на колени и откинула рубенд с лица. Это была Эсьма. С опухшими и воспаленными от слез глазами. В свете лампад она выглядела бледной.

—Ты...

Шахбану узнала. И взъерилась:

—Ты... губительница сына моего! Зачем явилась? Как посмела? Убирайся с глаз моих!

Эсьма, простирая руки к грозной малейке, давясь слезами, подползла к ней на коленях.

—Малейка!..

—Ты порушила мой очаг!

—Выслушай меня...

—Ты отравила жизнь мою... Ты, твой отец, твой род... Как Эсьма, отравившая имама нашего...

—Помилуй... пощади...

—Еще не приговорили тебя к казни... Рано просить пощады...

—Я... сама приговорила себя, малейка! Я пришла... чтобы стать рабой твоей, служанкой твоей. Пытай меня, но не гони. Я пришла принять твой таригат. Если есть грех за мной — прости великодушно...

Она произнесла молитву шиитов. И пала ниц перед шахбану, рыдая.

Шахбану смешалась перед таким искренним изъявлением горя и смирения.

Услышав последнюю фразу «кялмеи шехадет», с упоминанием имама Али (как полагается у шиитов), Хейраниса-бейим дрогнула и сменила гнев на милость. Подняла девушку и прижала ее голову к своей груди...

Казалось, шахбану в этом прикосновении чаёт уловить дух убиенного сына. Как если бы она обнимала любимую невестку, хранящую тепло ласк и дыхания Гамза Мирзы...

Шахбану забыла обо всем, повинувшись этому неизъяснимому чувству сострадания. И, не доставая платка, стала совсем по-простецки, как селянки в ее мазандарских краях, краем косынки утирать слезы девушке. Крикнула, повернувшись к занавеске.

—Где вы запропастились!

¹ Хаджа — евнух, страж гарема

Служанки, горничные, затаившиеся за занавеской, все слышали. И были растроганы до слез.

Они тут же прибежали.

—Воды... гюлаб принесите...

Конец Мехти-Улии

В доме у Мусеиб-хана собрался совет старейшин, предводителей племен. Все были потрясены и разгневаны недавней вероломной расправой. Шахбану, обещавшая не карать оклеветанного мазандарского правителя правоверного шиита Мирза-хана, ни в чем не повинного, изменила своему слову. По ее приказу молодой хан был тайком удушен в крепости. Эта весть вывела из себя гызылбашских старейшин.

—Это неслыханно! Нас, аксакалов, в грош не ставят!

—Как ей после этого верить?

—Зарвалась!

—Надо идти к шаху...

—Верно.

—Но и шах под ее дудку пляшет...

—Пора и своим умом жить.

—Мы, гызылбаши, возвели его на престол.

—Пусть вспомним, как правили его отец... его дед...

—Ладно, — хозяин дома, доводившийся близкой родней шаху, подвел итог.

—Я пойду к шахиншаху и сообщу о желании эмиров увидеться с ним.

Добронравному Мусеиб-ханеу все доверяли. Раньше он не вмешивался в свары между двором и вотчинами. Но и его возмутило самоуправство и бесчинство шахбану. До него дошли слухи и о том, что между Хейраниса-бейим и недавно убитым Адилем Гиреем якобы существовали амурные отношения. Мусеиб-хан, как человек обстоятельный и рассудительный, не был склонен верить подобным сплетням, хотя и не питал особой приязни к шахбану. Знал, что она отважна, честолюбива, крута, но чтобы пасть до измены... Однако последние ее деяния, явное желание взять бразды правления в свои руки, подковерные игры и закулисные наущения, жертвой которых пали безвинные люди, переполнили чашу терпения. Итак, гызылбашские эмиры пришли к единому мнению. Быть может, впервые. И решили действовать сообща.

В их намерения входило и отстранение от дворца суннитов, инородцев. Свои счета они могли отложить на потом. Надо было сперва убрать с дороги Мехти-Улия и ее приспешника Мирзу Салмана. Это означало борьбу насмерть.

Мусеиб-хан добился приема у шаха.

В вечер перед святой пятницей шах принял эмиров, предводителей общин и племен.

Шахбану пришлось выслушать немало горьких и нелюбимых речей и обвинений. Крепилась, но на душе накипевшему гневу.

—Да славится шах! В державе Иранской один властелин. Но ваша благоверная супруга малейка Хейраниса-бейим, похоже, забыла об этом...

—Она ставит себя выше гызылбашских военачальников...

—Заодно с нею — и мать...

—И таджики...

—И персы...

—Мирза Салман и иже с ним...

—Вы и на меня точите зубы...

—Мой шах! Ты слышишь какую напраслину возводит на нас малейка?!

Шахбану не сдавалась:

—Ваш умысел ясен. Хотите свергнуть шахиншаха. И посадить на престол угодного вам человека.

—Не верь, мой шах! Мы присягали тебе и покуда волей и милостью Аллаха ты правишь страной — мы будем верны тебе.

—Грош цена! — вашим уверениям, — выпалила шахбану. — Как только выйдете за ворота дворца — так и клятвам конец. Насквозь вас вижу!

«У них своя правда, — думал шах. Мехти-Улия перегибает палку. Но, видит Аллах, у меня нет повода усомниться в ее благих намерениях... в ревностной заботе о троне... о династии...»

—Сколько можно мстить? — возмущались эмиры. — Перебила всех кровников. Мало ей. В каждом из гызылбашских предводителей ей мерещится враг. Прости мой властелин, но если ты хочешь мира и согласия в державе, не позволяй шахбану вмешиваться в державные дела.

—Отстранить!

—Пусть знает свое место.

Благочестивый Мохаммед Худабенда не хотел прилюдно признавать вину супруги, происходившей из рода сеидов. Но был вынужден заверить эмиров:

—Господа! Обещаю — впредь мать моих детей не даст вам повода для огорчений и неудовольствия... Я позабочусь о том, чтобы она преступала меру своих полномочий... Это относится и к ее матери...

Обтекаемые слова шаха были встречены сдержанно.

«Так мы и поверили...»

«Лапшу на уши вешает...»

«Что ж, как веревочке ни виться...»

Малейка прошептала так, чтоб слышал только шах: «Не дождетесь! До гробовой доски...»

Но сидевший неподалеку от трона Мусеиб-хан тоже услышал ее.

Они откланялись и покинули дворец.

Мусеиб-хан по пути сказал товарищам:

—Вы правы. Она сама вынесла себе приговор.

Придворные молча провожали их взглядом.

Направились напрямиком в дом хана. Подали чай, кофе, кальяны. Гости сидели мрачные у правителя дома.

Хозяин велел никого не впускать и следить, чтоб никто из прислуги не ошивался у дверей.

После принятия всех мер предосторожности приступили к главному разговору.

—и так иного выхода нет. Надо убрать шахбану, — сказал кто-то из эмиров.

—И эту старую каргу...

—Мирзу Салмана...

—Пока не улизнул.

—Кто же возьмется за это дело, господа?

—Пусть каждое племя даст своих людей. А все будут под началом Мусеиб-хана. И Имамгулу-бея...

Среди присутствующих только эти двое доводились шаху близкой родней. Но и они лишились последних иллюзий о честной и справедливой воле двора после вероломного умерщвления безвинных гызылбашских эмиров вопреки поручительству аксакалов и обещанию шахбану.

Мусеиб-хан, раньше не соглашавшийся с такой крайней и жестокой мерой, теперь думал иначе...

Имамгулу-бей из Мосула — также...

Определили и других людей для исполнения зловещей расправы: Садреддина Сефеви, Гасанали-бея Зульгадара, предусмотрели и отряды конных нукеров на случай вооруженного столкновения, — от каждого племени, чтобы замышленное убийство не оставило никому из них, говоря современным языком, шансов на алиби при неблагоприятном стечении обстоятельств.

Старейшины из рода гаджаров, Годжа-бей из рода сефевидов согласились с решением меджлиса.

Это было 26 июня 1579 года. (Исторические источники, правда, называют разные даты.)

Ранним утром к дворцовой площади стали съезжаться вооруженные отряды. Движение началось чуть погодя после утреннего намаза. Дворец был, можно сказать, окружен. Когда появились предводители мятежа (как же иначе назвать происходившее), все почтительно расступились, давая дорогу. Никто, кроме пятерых зачинщиков и руководителей отрядов, не знал, что замышляется. Проболтайся кто-нибудь из заговорщиков — наверняка доносчики шахбану тут же оповестили бы ее. Но пока, кажется, Хейранисабейим, при всей ее бдительности, не подозревала, какая каша заваривается.

Собравшийся на площадь народ полагал, что именитые предводители общин просто явились на прием к шаху. Тем более, двое из них являлись близкими родичами государя. Можно было бы допустить, что пришли сватать сестру шах Фатиму Солтанбейим.

—Нет, голубчик, не похожи они на сватов...

—А что, у сватов рога растут, что ли...

—Говорят, что Фатиму другой падишах желает сватать сыну...

—Ну, не к ней, так к другой. Машаллах, плодовицы они... И девиц полно, и сыновей хватает.

—Да уж, горазды насчет продолжения потомства...

—А что им остается еще делать?

—Их петух не клевал. Дом — полная чаша...

—Чего тут гадать? Потерпите, нукер объявит народу, что к чему.

—Эх, была бы свадьба... Тогда бы хоть несколько бедолаг помиловали и на волю отпустили...

—А что, и у тебя упекли кого-то?

—Ох, мил-человек... Брата моего взяли... С тех пор и след простыл. Одни говорят, в крепость заточили, другие...

—Да помолчите вы! Дайте поглядеть, что творится.

Предводители вошли во дворец, честь по чести встреченные министром двора, который хотел было препроводить их в приемные покои шаха, но когда Мусейб-хан и его люди устремились в другую сторону, «эшик-агасы» и смотритель гарема (то бишь, «женского отделения») заподозрили неладное и попытались преградить им путь.

—Господа, господа! Там же гарем!

Но посетители, оттолкнув их, двинулись вперед; тогда им навстречу вышли стражники—нукеры шахбану: она оказалась предусмотрительнее, чем думали заговорщики и, ввиду множества тайных и явных врагов, окружила себя усиленной охраной.

Нукери, почувствовав неладное, схватились за оружие. Мусейб-хан с приспешниками пустили в ход мечи и, раскидав охрану, ворвались в покои и застали шахбану во всеоружии — она стояла с обнаженным мечом, как воин и, судя по решительному виду, собиралась постоять за себя и дорого продать свою жизнь.

Первый удар ее меча сразил шедшего впереди Алигулу-хана Гаджара — тот рухнул на ковер от нанесенной раны.

Это удар Хейраниса-бейим оказался единственным.

Четыре эмира окружили ее и удавка перехватившая ей горло, не позволила вымолвить ни слова. Точно так же душили обреченных ею на смерть людей. Заговорщики не хотели обагрять свои мечи кровью женщины... Матери четырех детей—шахзаде. Когда предсмертные хрипы прекратились, и бездыханная шахбану рухнула на пол, каратели ринулись в смежную комнату, где, опустившись на колени перед молитвенным ковриком и завершавшая намаз слова «зикра» шептала мать шахбану. Она даже не глянула на вошедших. Ее постигла участь дочери...

...Прошло несколько лет.

Мохаммед Худабенда покинул бранный мир, и престол занял его сын Аббас - шах Аббас Первый, правивший страной более сорока лет, с 1587 по 1629 год.

Для тюркской знати, гызылбашских эмиров настали не лучшие времена; тюрко-азерийский язык перестал быть языком дипломатических и межгосударственных сношений, и традиция, заложенная Хатаи, была погребена вместе с ним.

Историки, писавшие впоследствии о Хейраниса-бейим, вели речь о ней как о жестокой интриганке, проводившей профарсидскую политику, враждебно относившейся к гызылбашским эмирам.

Но ученые мужи упускают из виду то обстоятельство, что эта незаурядная особа была порождением исторического климата, императивов несправедливого века, действовавшая и ратовавшая по его законам. Не учитывают того, что она была Матерью, всеми возможными и невозможными средствами ограждавшая своих детей от бед и напастей, исходивших от внутренних смут и раздоров в стране.

Послесловие

Повремени, читатель мой, прежде чем закрыть последнюю страницу моего повествования. Повремените, братья и сестры мои, отцы и матери, отягощенные заботами о хлебе насущном и — более всего — думами о судьбах отечества.

Какой же урок мы извлечем из истории, которую я запечатлела в своем повествовании?

Чему нас учат жертвы междоусобиц, раскола общества на таригаты, на «своих» и «чужих»?

Ведь с тех далеких времен не рассеялись мрачные тучи этих напастей над народом нашим. И не предвидится, что рассеются они скоро. Шах Исмаил пал жертвой этого раздора и распрей. Гамза Мирза — следом за ним. Надир-шах Афшар, положивший конец правлению сефевидов, также поплатился жизнью за попытку устранить раскол между таригатами.

Значительный поэт XIX века Сеид Азим Ширвани подставил под удар участь своих детей во имя устранения раздора в среде нации, назвав их Аиша, Осман и Омар.

То есть, будучи шиитом, дал детям имена, традиционные для исповедующих суннитство. И снискал ненависть адептов.

В начале двадцатого столетия неповторимый и блистательный Мирза Алекпер Сабир осмелился восстать против порочной разобщенности и фанатизма, и стал мишенью хулы и поношений.

Увы, и ныне, на пороге XXI века мы, единые по языку, вере, крови, еще не избавились от пагубной «сортировки» ближних по клановому, земляческому и прочим признакам.

Немодный нынче Ф.Энгельс когда-то заметил: «Самое большое открытие англичан — вопрос о суннитах и шиитах». В политике — межпартийное перетягивание каната, в религии — тяжба таригатов!

Не примыкая ни к какой партии, не могу удержаться от восклицания: «Браво вам, совершившим это «открытие»!»

Какое замечательное средство, чтобы вбить клин между народами, сообществами
легковерного Востока!

Эта напасть снедает и нас—разделение на таригаты и партии.

Будь бдителен, читатель мой!
